

ЕЛЕНА ТИМОШИНА*

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ОБЩЕГО БЛАГА**

КОНЦЕПЦИЯ И ПОЛЕМИКА

Получено: 15.05.2025. Рецензировано: 01.07.2025. Принято: 23.07.2025.

Аннотация: В статье рассматривается современный проект реабилитации общего блага — понятия классической естественно-правовой традиции, предложенный профессором Гарвардской школы права Адрианом Вермелем в постлиберальной концепции «конституционализма общего блага», а также развернувшаяся вокруг этого проекта широкая полемика. В первом разделе дается эскиз основных положений постлиберальной программы, главный посыл которой — возрождение уничтоженных либерализмом чувства и практик социальной солидарности. Предметом второго раздела является сама концепция конституционализма общего блага. Показана противоречивость понимания Вермелем общего блага как самого по себе, так и в соотношении с индивидуальными правами, что связано с использованием томистского понятия общего блага без учета предполагаемой данным понятием трансцендентной перспективы целей человека. Поскольку Вермель не предъясняет какого-либо видения природы человека, без прояснения которой невозможно прояснить и понятие общего блага, в третьем разделе представлен опыт развития его концепции М. Фораном, сосредоточенный на естественно-правовом обосновании достоинства во взаимосвязи с общим благом. Последний раздел посвящен критическому обсуждению концепции Вермеля. Критики предъясняют конституционализму общего блага претензию в отказе от либерального идеала моральной нейтральности и интервенции религиозной морали в право при поддержке государственных институтов. Однако более точным было бы диагностировать эту концепцию как попытку обосновать возможность замены морали секулярного общества, продвигаемой при помощи тех же политических институтов, религиозной моралью. Отмечается, что сформировавшийся в рамках католического интегрализма конституционализм общего блага напоминает описанный Достоевским проект Великого инквизитора, в котором «царство покоя и счастья» было построено на чуде, тайне и авторитете. В проекте Вермеля мы находим авторитет правителя, недоступную подвластным тайну общего блага и чудо в виде изобилия и процветания, с благодарностью принимаемое подвластными. Обзор полемики вокруг концепции Вермеля приводит к выводу о глубоком расколе внутри американского юридического сообщества в понимании оснований, особенностей и путей развития конституционной традиции США.

Ключевые слова: общее благо, конституционализм, постлиберализм, классическая правовая традиция, естественное право, права человека, достоинство, юридический позитивизм, политическая теология.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-200-251.

*Тимошина Елена Владимировна, д. ю. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e.timoshina@spbu.ru, ORCID: 0000-0002-2948-4825.

**© Тимошина, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

ВВЕДЕНИЕ

Судьба понятия общего блага одновременно трагична и парадоксальна. Сформировавшись в лоне классической естественно-правовой традиции, для представителей которой право было столь же неразрывно связано с общим благом, как и со справедливостью, оно в итоге своего развития стало прочно ассоциироваться с государственным интересом (*raison d'état*) и приобрело свойства конфликтности в противопоставлении индивидуальным правам. Этого напряжения не предполагали ни античная республиканская традиция понимания общего блага как общего дела, культивируемая в ренессансной картине мира, ни христианская традиция, в которой античное понятие общего блага приобретает трансцендентную перспективу, обнаруживающую различие и связь порядков естества и благодати, общего блага и личного спасения. В новых условиях секуляризованного политического сообщества — национального государства Нового времени — понятие общего блага уже не могло публично манифестироваться и легитимироваться как связанное с христианской идеей спасения, а личное участие в определении общего блага, предполагавшееся республиканской традицией античности, оказывалось — вследствие масштабов современного государства — если не невозможным, то крайне затруднительным. Гоббсовский Левиафан как единственная авторитетная инстанция, полномочная определять и интерпретировать содержание общего блага, и локковский человек, избравший индивидуализм в качестве стратегии поведения, столкнулись в безысходном конфликте, попеременно одерживая ситуативную победу друг над другом, но уже более не выходя из зоны противостояния¹.

Парадокс развития идеи общего блага — от античной к современной картине мира — в том, что, являясь частью естественно-правовой традиции, отстаивавшей автономию права от государства, оно в конечном счете находит себе выразителя и защитника в государстве, что провоцирует постоянные подозрения в том, что общее благо — «всего лишь возвышенное риторическое прикрытие для политической повестки дня», показывающее, как «моральный язык правовой теории может быть присвоен в интересах корыстных политических программ» (Leiter, 2023: 1711–1712).

В условиях, когда государство в постмодернистском дискурсе разоблачено как выдумка юристов, а понятие общего блага — как изобретенная

¹Подробнее о судьбе понятия общего блага в картинах мира см.: Тимошина, 2025а, б.

ими же фикция с целью мобилизации населения на решение необходимых государству задач (Бурдые, Шматко, 2007: 279–281), попытка реабилитировать идею общего блага в духе аристотелевско-томистской традиции кажется рискованным проектом. Именно такая попытка предпринимается в постлиберальной концепции «конституционализма общего блага», которую в 2020 г. предложил профессор Гарвардской школы права Адриан Вермель (Vermeule, 2020), фундировав впоследствии ее основные положения в книге с одноименным названием (Vermeule, 2022). В статье дается эскиз основных положений постлиберальной программы (раздел 1), обзор концепции (раздел 2), попыток ее развития (раздел 3) и ведущейся вокруг нее острой полемики, как научной, так и политико-идеологической (раздел 4).

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ОБЩЕГО БЛАГА: КОНТЕКСТ ПОСТЛИБЕРАЛИЗМА

А. Вермель является признанным специалистом в области конституционного и административного права² и вместе с тем политико-идеологически принадлежит к новому интегрализму — направлению американского католического консерватизма, представители которого пытаются предложить постлиберальный проект и обеспечить его реализацию при помощи сильной административной власти, что дает повод говорить о его этатистском характере (Borg, 2023: 13–14; Ланчава, 2022a: 201; Ланчава, 2022b: 302). Интегрализм — одно из трех направлений, выделяемых внутри постлиберализма наряду с национальным консерватизмом и персоналистским плюрализмом (коммунитаризмом) (Pabst, 2024). Здесь мы воздержимся от характеристики различий между ними, сосредоточившись в данном разделе на описании общей постлиберальной программы, а в следующем — особенностей этатистско-теологической версии Вермеля.

Постлиберализм определяется А. Пабстом, одним из главных его представителей, как многогранное идейное течение, цель которого — анализ ошибок и крайностей либерализма как в теории, так и на практике, а также выдвижение конструктивных альтернатив, основанных на социальной философии добродетели и общего блага (Pabst, 2017: 87; Pabst, 2024: 887)³. При этом постлиберализм рассматривается как спе-

²См., например, его работы: Posner & Vermeule, 2007; Posner & Vermeule, 2010; Sunstein & Vermeule, 2020; Vermeule, 2006; 2011; 2014.

³В российской литературе термином «постлиберализм» иногда обозначают современную авторитарную инверсию либерализма (см., например: Земанек, 2023), которая, однако, как раз и является главным объектом критики постлиберализма.

цифическая англо-американская традиция мысли: в конце XX – первом десятилетии XXI в. оформился британский постлиберализм в работах Дж. Грея (Грей, Переяславцева и др., 2003; Gray, 1993; 2023), а также в виде богословской критики современного порядка, сосредоточенной в трудах по радикальной ортодоксии (*radical orthodoxy*) Дж. Милбанка и впоследствии в его совместных работах с А. Пабстом (Milbank, 2006; Milbank & Pabst, 2016; Pabst, 2021); появление американского крыла обычно датируется временем, предшествовавшим избранию Д. Трампа на должность президента в 2016 г. (Borg, 2023: 5). Вместе с тем, возникнув в Великобритании и США, он вызвал интерес у представителей европейских правых (Ahrens & Wolters, 2021) и/или прокатолических кругов (Bastié, 2021), в том числе и принадлежащих к академическому сообществу — экономистов (Zamagni, 2010), юристов (Het radicale middenoverzee..., 2021) и др. Отмечается, что постлибералы являются частью академического мейнстрима и встречаются в ведущих университетах Великобритании и США (Borg, 2023: 3). Среди интеллектуальных предшественников постлиберализма его сторонники называют как отдельных мыслителей (например, Э. Бёрка и А. Токвиля, Э. Анскомб и А. Макинтайра, В. С. Соловьева и С. Н. Булгакова⁴), так и целые философские и богословские традиции — гуманизм эпохи Возрождения, ранний немецкий романтизм, социальное учение католической церкви, как оно представлено в энциклике *Rerum Novarum* папы Льва XIII, персонализм и др. (Pabst, 2024: 890).

Имя Вермеля упоминается в одном ряду с именами интеллектуалов, вокруг идей которых на рубеже 2020-х гг. объединились представители американского постлиберализма (Borg, 2023: 6). В 2021 г. А. Вермель, П. Денин, Дж. Паппин и Ч. Пекнольд начали издавать информационный бюллетень «Постлиберальный порядок» (<https://www.postliberalorder.com>), отталкиваясь от тезиса о том, что «современный либеральный порядок в мире исчерпан» (ibid.). Либерализм рассматривается постлибералами не столько как теория, раскрываемая в корпусе текстов,

⁴О значении идей В. С. Соловьева и С. Н. Булгакова (относящихся к критике западного рационализма, софиологии, понятию обожения, христианскому социализму и др.) для радикальной ортодоксии см.: Ильин, 2023; Тримбл, 2019; Щипков, 2019. Сам Милбанк, в частности, отмечает, что «наиболее значительным богословием двух предшествующих столетий было богословие русской софиологической традиции» (Milbank, 2008: 45). Это дает основание для вывода о том, что радикальная ортодоксия обладает гностическими чертами и даже обосновывает элементы нового божества (Щипков, 2019: 176).

сколько как всеобъемлющий социально-политический (политико-теологический) проект упорядочения современного общества (Vermeule, 2019b), альтернативу которому они и пытаются предложить.

С этой целью постлиберализм подвергает радикальному сомнению безальтернативность и универсальность либерального проекта. Дж. Милбанк в работе «Теология и социальная теория: за пределами секулярного разума» (Милбанк, Кырлежев и Узланер, 2022; Milbank, 2006) стремится показать, что современная социальная теория пронизана предположениями, которые вместо того, чтобы быть теологически нейтральными, на самом деле основаны на серии превращений классических христианских категорий августицианства. Его вывод состоит в том, что соответствующие изменения, которые, как предполагается, должны обеспечить стабильную основу для западной секулярной современности, обоснованы не более надежно, чем христианские, которые они вытеснили. Вместо того чтобы позволить социальной теории, пронизанной (анти)теологическими предпосылками светской современности, функционировать в качестве метаязыка, необходимо восстановить теологию как самостоятельный метаязык, с помощью которого можно было бы описать и подвергнуть критике саму светскую современность (Borg, 2023: 6–7). Для Милбанка, таким образом, теология становится подлинной социальной теорией и даже царицей наук — «для насельников *altera civitas* — Иного Града, пребывающего в странствовании в этом временном мире», метадискурсом будущей культуры (Milbank, 2006: 382)⁵. Такая позиция позволяет интерпретировать модерн как «плод вполне определенного теологического видения мира, всеми силами скрывающего собственное теологическое измерение» (Узланер, 2008: 153), а либерализм, по замечанию Вермеля, — как обладающий свойством обскурантизма в той степени, в какой он скрывает свой глубоко религиозный, политико-теологический характер (Vermeule, 2019b).

Данный тезис Милбанка — о политической теологии как универсальном дискурсе, способном объяснить глубокую сакраментальность либерального порядка, — разделяет и Вермель, заявляя, что либерализм, несмотря на свою публичную секулярность, представляет собой по сути религиозное движение с особой сотериологией, эсхатологией, экклезиологией и даже собственной литургией — достаточно посмотреть на категории конституционной теологии либерализма (Vermeule, 2019a).

⁵См. об этом также: Белжеларский, 2017: 198–200; Белжеларский, 2019: 16; Давыдов, 2019: 92; Зверде, Агаджанян и Кырлежев, 2012: 87.

Либерализм имеет собственные таинства — особенно порицание и, где возможно, юридическое наказание нетерпимых или нелиберальных — и свою собственную литургию, Праздник Разума, вечно повторяющееся преодоление тьмы реакции. Поскольку его празднование в качестве части литургического сценария требует преодоления реакционного врага, либерализм неустанно ищет новых злодеев, чтобы они сыграли отведенную им роль (Vermeule, 2017). Идеи и поведение либеральных агентов, убежден Вермель, могут быть адекватно интерпретированы только сквозь призму политической теологии (Vermeule, 2019a). Так, наряду с сакраментальным требованием публично манифестируемой победы над тьмой иррациональных традиций либерализм уповает на невидимую руку рынка — понятие, представляющее собой секулярный аналог провиденциалистской политической теологии. С его помощью объясняется функционирование не только экономических рынков, но и рынка идей, и конституционной системы сдержек и противовесов, позволяющей достигать баланса (аналога божественной гармонии) политических сил (Vermeule, 2019b).

Вернемся к диагнозу Милбанка. Он исходит из того, что секуляризацию следует понимать не как закономерный исторический процесс, происходящий посредством практик десакрализации социального, обнажающий некую подлинную, немифологизированную социальную реальность, а как результат теологической девиации, имевшей место в позднем Средневековье. Соответственно, современное светское государство представляет собой в известном смысле случайный социально-политический порядок, а следовательно, может быть подвергнуто генеалогической критике. В интерпретации Милбанка модерн есть следствие допущенной средневековыми номиналистами теологической ошибки⁶, повлекшей противопоставление естества и благодати, что обусловило трансформацию человека в автономного субъекта, не нуждающегося в трансцендентном, а социального бытия — в исключительно имманентистское⁷. Именно такие антропология и социальная онтология лежат в основании либерального проекта. Либеральная теория общественного договора понимается им как выражение антихристианской «онтологии

⁶Критику предложенной Милбанком генеалогии философии модерна см., например, в: Вдовина, 2023; *Deconstructing Radical Orthodoxy...*, 2005.

⁷И. Ю. Ильин отмечает, что именно «отсутствием современного разделения природы и благодати» привлекают Милбанка русские мыслители В. С. Соловьев и С. Н. Булгаков (Ильин, 2023: 58).

насилия», в которой составные части целого понимаются как произвольно и насильственно связанные и которая представлена в номиналистической политической теории Гоббса, где склонный к конфликтам атомизированный индивид гипостазирован в качестве фундаментальной единицы политического порядка. При таком прочтении контрактualизм Локка, Руссо и Канта, полагает он, не способен поставить под сомнение предлагаемое Гоббсом обоснование политического порядка, а гоббсовский индивид становится либеральным субъектом — участником рыночного обмена и властных практик (Milbank, 2006: 278–326), в которых политическое переопределяется в терминах удовлетворения желаний граждан как потребителей (Milbank, 2012: 230). Отмечается, что цель радикальной ортодоксии Дж. Милбанка состоит в том, чтобы создать пространство для христианского социального видения как полноценной альтернативы светскому порядку Запада (Borg, 2023: 6–7), не исключающей, впрочем, для своей реализации, как полагают критики — православные богословы, элементы принуждения со стороны политической власти (Папаниколау, Кырлежев, 2021: 243–247).

Согласно диагнозу Милбанка и Пабста, данному в их совместной работе «Политика добродетели: постлиберализм и будущее человечества» (2016), современный Запад — атомистический и авторитарный одновременно — порожден культурным либерализмом левых 1960-х гг. и экономическим либерализмом правых 1980-х гг. Эти две формы либерализма действовали вместе, радикализовав и объединив гоббсовское понимание абстрактного индивида, предрасположенного к конфликтам, с локковской предпосылкой безусловного права собственности человека на самого себя. Либеральная политическая теория фактически «переопределила человеческую природу как исключительно индивидуальное существование, абстрагированное от социальной укорененности», а либеральная практика «заменила стремление к взаимному признанию и взаимному процветанию погоней за богатством, властью и удовольствием» (Milbank & Pabst, 2016: 1–2). В конечном счете либерализм создал культуру нарциссического эгоизма, разрушающую гражданские свободы, исторически укорененные в уважении к личности как части общества и принципах взаимности (Милбанк, Грознова, 2011а: 97). Поскольку либерализм отказался от какого-либо содержательного видения блага, он не столько освобождает общество от «тирании добра», сколько навязывает «новую тиранию свободы от взаимных обязательств» (Milbank & Pabst, 2016: 18–19), зачастую принуждая, как подчеркивает

Вермель, к публичной демонстрации такого освобождения и поражения «реакционных» сил, что он находит, в частности, в некоторых показательных судебных процессах Верховного суда США, например, связанных с признанием свободы сексуального самоопределения (Vermeule, 2019a).

Постлиберальная критика либерализма вращается вокруг тезиса о его саморазрушении. Траекторию движения либерализма Пабст поясняет известной фразой Шигалёва из «Бесов» Ф. М. Достоевского: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» (Дзо. Т. 10: 311), находя это высказывание пророческим: русский писатель предвидел «нынешнее соскальзывание ультралиберальной свободы в сторону все более возрастающего авторитарного контроля» (Пабст, Талалаевская, 2021: 205). По мнению Пабста, отказ от этических ограничений и взаимных обязательств во имя неограниченной свободы закономерно приводит к тирании (там же).

П. Денин в книге «Почему либерализм потерпел неудачу?» (2018), вызвавшей серьезные дебаты о состоянии либерализма и сыгравшей решающую роль в интеллектуальной консолидации американского крыла постлиберализма (Borg, 2023: 5), отмечает, что порожденные либерализмом патологии не являются чем-то внешним по отношению к либеральному проекту, но представляют собой последствия его реализации. Парадоксально, но либерализм потерпел неудачу, потому что добился успеха:

...политическая философия, которая была создана для обеспечения большего равенства, защиты плюралистического сочетания различных культур и верований, человеческого достоинства и, конечно же, расширения свободы, на практике порождает гигантское неравенство, насаждает единообразие и гомогенность, способствует материальной и духовной деградации и подрывает основы свободы (Денеп, 2018: 3).

По мнению Денина, наблюдаемая трансформация безграничной свободы в государственный авторитаризм происходит из-за неуклонного разрушения либерализмом всех источников власти, считающихся внешними по отношению к индивидуальной воле, то есть в конечном счете является следствием либеральной антропологии с ее концепцией негативной свободы. Классическое понятие свободы, предполагавшее культивирование гражданских добродетелей, необходимых для участия в общем деле, начиная с Макиавелли постепенно деградировало

и нашло свое завершение в традиции общественного договора Гоббса и Локка. Либерализм опирается на два основных предположения: (1) индивидуализм в сочетании с волюнтаристским пониманием выбора и (2) радикальное противостояние человека и природы, из чего следует императив овладения природой и контроля над ней, обращаемый сегодня уже к самой человеческой природе, что можно наблюдать в современных дискурсах трансгуманизма (Депен, 2018: 31–37). Понимание свободы как постоянного расширения личной автономии поощряет особую подозрительность по отношению ко всем источникам, которые можно понимать как налагающие ограничения на волю человека, будь то культура, религия, традиции, семья, социальные нормы и даже наука. Существование государства в либеральной парадигме оправдывается его функцией защиты индивидуальной свободы, поэтому его главной задачей становится максимизация условий, при которых возможно осуществление свободы личности, сначала в форме защиты множества прав, а затем все более активной деятельности по устранению потенциальных источников ограничения индивидуальной воли.

По мере того как авторитет социальных норм ослабевает, они все больше воспринимаются как рудиментарные, произвольные и репрессивные, что мотивирует государство активно работать над их искоренением (*ibid.*: 38).

Денин подчеркивает неслучайность того обстоятельства, что суверенное государство возникает одновременно с суверенным индивидом: «Государство становится главной движущей силой индивидуализма, а индивидуализм становится главным источником расширения власти и авторитета государства» (*ibid.*: 46). Таким образом, либерализм провоцирует экспансию государства для контроля над обществом, не имеющим общих норм, практик и убеждений, и все больше требует правового и административного режима, движимого императивом подавления любого глубоко укоренившегося среди граждан чувства общего будущего или судьбы (*ibid.*: 62).

Постлиберальный тезис о встроенном в либерализм механизме саморазрушения разделяет и Вермель, находя его в следовании железной логике освобождения человека от всех культурно обусловленных ограничений (Vermeule, 2019a) и полагая, что антиавторитарный идеал либерализма несовместим с его собственными притязаниями на власть (Vermeule, 2019b). Либерализм подрывает себя, превращая толерантность во все более радикальную нетерпимость к «нетерпимым» — то есть к тем, кто придерживается нелиберальных взглядов (Vermeule, 2017).

Вместо того чтобы оценить блага либерализма, люди восстают против своих благодетелей, воодушевленные тоской по сообществу и трансцендентным горизонтам, в которых им отказано закрытым, имманентным горизонтом либерального порядка (Vermeule, 2018).

Критические аргументы в адрес либерализма объясняют постлиберальный поворот от индивидуальной автономии, парадоксальным образом соединяющейся с политическим авторитаризмом, к общему благу. Как отмечает Милбанк, всегда, когда идея взаимного достижения общих целей отрицалась как конститутивная для политического сообщества — тогда идея индивидуальных естественных прав, апеллирующая к нормативности негативной свободы, соотносилась с государственным авторитаризмом, что позволяет сделать вывод о хотя и не очевидном, но тесном союзе последнего с либерализмом (Milbank, 2012: 204). Именно поэтому «мы должны вернуть себе идею и опыт общего блага, а также язык добродетели и чести», — призывает Пабст (Pabst, 2024: 906). Понятие общего блага звучит и в риторике политических деятелей: в бытность сенатором о «капитализме общего блага» заявлял нынешний государственный секретарь США М. Рубио в интервью американскому изданию «American Affairs» (Krein & Pappin, 2020), которое со времени своего основания в 2017 г. стало «ежеквартальным журналом постлиберализма» (Continetti, 2022: 379).

Несмотря на существенные расхождения между британской и американской версиями постлиберализма, а также внутри них, можно говорить об основных общих чертах постлиберальной программы, ориентированной на сочетание «большей экономической справедливости с большей социальной солидарностью» (Pabst, 2017: 87). Главный посыл программы — возрождение, на основе согласия по поводу общего блага, уничтоженных либерализмом чувства и практик социальной солидарности (см., например: Deeneen, 2018: 182). Как отмечает Пабст, все постлибералы соглашались с тем, что либеральные идеалы свободы, равенства, верховенства закона, представительного правления и индивидуальных прав могут быть защищены только с помощью таких социальных добродетелей, как братство, долг, преданность, смирение и честь (Пабст, Талалаевская, 2021: 203–204). Милбанк убежден: «Равенство со свободой и братством [...] можно узреть лишь через онтологическое видение, раскрываемое верой, надеждой и жертвенной любовью» (Милбанк, Узланер, 2011b: 244).

Основные положения общей постлиберальной программы можно представить в виде следующих тезисов. Во-первых, представители постлиберализма исходят из объективной природы блага — это убеждение может иметь религиозное обоснование, как у Милбанка или Денина, и/или, например, обосновываться эмпирически, подобно тому как это делает Пабст, отмечая:

...как и права человека, признанное существование [...] неправомерных действий предполагает, что культурные и цивилизационные традиции включают определенные этические принципы, являющиеся универсальными (Пабст, Талалаевская, 2021: 211).

Во-вторых, выступая против либеральной абсолютизации негативной свободы, они рассматривают свободу как возможность заботы о других: «мы наиболее человечны, — подчеркивает Пабст, — когда заслуживаем высокую оценку своих сограждан за вклад во всеобщее благо через нашу работу и заботу о других» (там же: 203). В-третьих, будучи убежденными в том, что «правильные институты могут поощрять добродетельное поведение» (Pabst, 2017: 87), представители постлиберализма пропагандируют идею своеобразного демократического корпоративизма — независимые как от центральной власти государства, так и от свободного рынка промежуточные социальные институты, будь то профессиональные ассоциации, университеты или местные общественные организации, являются главным местом, где человек проявляет заботу о других, ищет и находит взаимное признание и возможность совместных действий на благо сообщества (Пабст, Талалаевская, 2021: 214–215). В-четвертых, такого рода коммунитаризм рассматривается как условие возможности персонализма: в то время как изолированный либеральный индивидуум все больше становится голым атомом, заменяемым на любой другой атом, встроенный в сообщества человек обладает и уникальной перспективой, и уникальными качествами — он становится все более индивидуальным, стараясь совершенствовать взаимоотношения и ища того блага, которое присуще конкретной деятельности человека (там же: 215). Одну из своих задач постлибералы видят в том, чтобы избежать концептуальной ловушки либерализма, который, находясь в рамках своей ложной бинарной системы, обнаруживает за пределами индивидуализма исключительно коллективизм (Pabst, 2024: 889). В конечном счете постлиберализм, как отмечают его представители, стремится обновить некоторые политические и этические традиции, которые дали начало христианской культуре и западной цивилизации (Pabst, 2022).

Конкретные политические и экономические программы разных направлений постлиберализма расходятся. Для понимания особенностей конституционализма общего блага Вермея необходимо принять во внимание прежде всего социально-политический проект Милбанка, часто характеризваемый как персоналистический плюрализм (Pabst, 2024: 899) или христианский коммунитаризм (или социализм, понимаемый скорее как корпоративизм, основанный на кооперации свободных ассоциаций), который «противопоставляется существующим формам редукции социального бытия как со стороны рыночного либерализма, так и со стороны государственного централизма», а также предполагает «трансформацию индивидуалистической морали [...] в телеологическую этику, поддерживаемую и продвигаемую с помощью христианских сообществ» (Давыдов, 2015: 377–378). Как таковой он укоренен в его онтологии — Милбанк подчеркивает:

...реальность коллективного [...] и реальность объективно благих и истинных человеческих целей — нуждаются в телеологии и реальности универсалий, лежащих корнями в том, что источником реальности является [...] трансцендентный источник [...] бытия (Милбанк, Аронова и Зимарская, 2019: 225).

Присутствие Бога в каждом месте и моменте творения Милбанк обозначает понятием партиципации (*participation*). Человеческое общество, понимаемое им не как имманентистская безличная тотальность, но как условие совместной взаимной реализации способностей индивидов, обмена дарами и сотрудничества, представляет собой «локус опосредования трансцендентального блага во времени» (там же). Благодаря составляющим общество свободным ассоциациям — от профсоюзов до университетов, — приверженным объективному пониманию человеческого блага и его продвижению, возможна «демократизация добродетели», ее распространение, понимаемое как часть христианской и одновременно «социалистической», коммунитарной политики, поскольку «социализм предполагает принципиальную доступность важнейших человеческих благ для всех» (там же: 225–226). Коммунитаризм Милбанка соединяется с христианским персонализмом: наивысший дар, который каждый из нас может предложить, это любовь — будучи личностной и уникальной, она не является чем-то всеобщим, поэтому на смену безличному общему приходит «наше настоящее „я“, наша личная уникальность, которая неотделима от уникального набора взаимоотношений с другими людьми» (там же: 226). Именно эту личность, способную «раскрывать что-то

вечное», социализм (коммунитаризм), как полагает Милбанк, и стремится полностью освободить, делая возможным общество как «непрерывно создаваемое коллективное произведение искусства, в котором у каждого есть свое место» (Милбанк, Аронова и Зимарская, 2019: 226–227). С помощью поощрения личности, осуществляющей свободный выбор порядка экзистенциальных приоритетов, и свободы ассоциаций (Milbank, 2012: 209) «при участии христианских политических правителей на местном, национальном и глобальном уровнях» Милбанк надеется восстановить «христианский мир» (*Christendom*), создать «социальный порядок как естественной справедливости, так и сверхъестественного милосердия» (Милбанк, Аронова и Зимарская, 2019: 231).

Постлиберализм оценивается как теоретически сложная и амбициозная попытка поставить диагноз социальных недугов в обществе позднего модерна, представив их как закономерное следствие реализации либерального проекта (Borg, 2023: 16). Вместе с тем постлиберальный призыв ориентировать политику на общее благо, конкретизированный А. Вермелем в концепции конституционализма общего блага, привел конституционалистов США в состояние войны (M. L. Smith, 2023: 1218).

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ОБЩЕГО БЛАГА: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ

В постлиберальной концепции Вермеля соединились его правовые предпочтения государства с «сильной» административной властью и разделяемые им идеи католического интегрализма, прежде всего представление о том, что христианское видение мира должно быть основой публичного права и публичной политики. Обоснование этого круга идей в рамках того, что он называет «христианской стратегией», предшествовало разработке им концепции конституционализма общего блага.

Намечаемые Вермелем направления христианской стратегии опираются на уподобление либеральной империи США⁸ Римской империи апостольских времен — в обоих случаях церковь вынуждена действовать в сложной политической среде многокультурной, многоконфессиональной империи, которая одновременно озадачена существованием церкви и враждебна ей. Однако именно эти черты империи — ее многокультурный и многоконфессиональный состав, ее всеобщее влияние

⁸Вермель использует и более широкое понятие либеральной империи, полагая, что «как внутри, так и за пределами Европы и англоязычного мира либерализм создал империю, над которой никогда не заходит солнце» (Vermeule, 2018).

на различные сообщества — имеют полезный побочный эффект в виде наличия перекрывающихся политических пространств и сообществ, через которые могут действовать христиане — для того, чтобы расширить церковь до краев земли (Vermeule, 2017). Вермель называет такую стратегию интеграцией изнутри (*integration from within*). Разделяя диагноз либерализма Денина, Вермель, однако, упрекает его в том, что тот отказывается от разработки всеобъемлющей конкурирующей теории и делает ставку на неопределенный коммунитарный локализм, и считает, что такое отступление в местные сообщества является сомнительным маневром. Вермель предлагает альтернативный финал для книги Денина: вместо того чтобы отступать к ностальгическому локализму, нелиберальные акторы стратегически располагают себя внутри либеральных институтов и работают над тем, чтобы разрушить либеральное государство изнутри. Эти акторы обладают содержательной всеобъемлющей теорией общего блага и используют возможности для его продвижения посредством той самой институциональной машины, которую либеральное государство провиденциально создало для их миссии. Стратегическая позиция, таким образом, состоит в том, чтобы

выжечь либеральную веру раскаленным железом, победить и захватить сердца и умы либеральных агентов, захватить институты старого порядка, которые сам либерализм подготовил, и обратить их на содействие человеческому достоинству и общему благу (Vermeule, 2018).

Только тогда либеральное государство, реинтегрированное изнутри, окончательно падет. Эту стратегическую позицию Вермель, неявно примеряя на себя роль апостола общего блага, уподобляет миссии апостола Павла, проповедовавшего приход нового порядка из самого сердца Римской империи (*ibid.*). Стратегию «интеграции изнутри» Вермель применяет в концепции конституционализма общего блага, в которой ее религиозные основания оказываются тщательно скрытыми.

Первый очерк концепции был представлен Вермелем в заметке «За границами оригинализма», опубликованной в его блоге 31 марта 2020 г. (Vermeule, 2020), и, на первый взгляд, касался главным образом вопросов толкования Конституции США. Он выражает убеждение в том, что оригинализм как консервативная стратегия конституционного толкования, которая предполагает обращение к смыслу положений Конституции, существовавшему во времена ее принятия, себя изжил и стал препятствием на пути развития подлинно консервативного подхода к конституционному праву и его толкованию. Вместе с тем провозглашенный Вермелем

в качестве альтернативы оригинализму конституционализм общего блага, долженствующий задавать новые моральные рамки толкования Конституции, помещается им также и за пределы оппонирующей оригинализму стратегии конституционной интерпретации — живого конституционализма (*living constitutionalism*), называемого им либертарианским (либеральным), отстаивающего изменчивый смысл конституционных понятий, обусловленный социальным контекстом их использования. Таким образом, конституционализм общего блага в первом приближении представляется стратегией конституционного толкования, призванной преодолеть традиционное для американской юриспруденции противостояние оригинализма и живого конституционализма, при том что ни тот, ни другой не являются панацеей от судейского произвола: апелляция первого к оригинальному смыслу Конституции может быть столь же герметичной и продиктованной политико-идеологическими соображениями, как и практикуемое вторым «современное прочтение» абстрактных формулировок Конституции.

Вместе с тем стратегия толкования не исчерпывается методологией интерпретации, но имеет как философские основания, так и политико-институциональные следствия в правопорядке, поэтому предложение А. Вермелем такой альтернативы требует, с одной стороны, теоретического и философско-правового обоснования, а с другой — оценки ее возможных политико-институциональных эффектов и влияния на изменение того, что принято называть конституционным дизайном. Если первое Вермель предлагает в своей книге (Vermeule, 2022), а от обсуждения второго уклоняется, то в короткой заметке он прежде всего занят политико-идеологическим обоснованием выдвинутых идей, которое не менее важно для понимания сути его концепции и развернувшейся вокруг нее широкой дискуссии.

Исходный тезис Вермеля состоит в том, что новый подход, который оказывается гораздо шире, чем подход к толкованию Конституции, должен основываться на принципах, согласно которым правительство направляет отдельных лиц, ассоциации и общество в целом к общему благу, а сильное правление в интересах достижения общего блага является совершенно легитимным. Контекст актуализации идеи общего блага, на который указывает сам Вермель, — ситуация пандемии и ожидания переизбрания на должность президента США Д. Трампа: по его мнению, это сделало очевидной мысль о том, что справедливый порядок управления должен обладать достаточной властью (*power*), чтобы

быть способным справляться с масштабными кризисами общественного благополучия и здоровья, понимаемого не только в буквальном и физическом смысле, но также и в метафорическом и социальном. Вермель выражает надежду на то, что в случае переизбрания Трампа правовой консерватизм, который уже не воспринимается как эксцентричная и предосудительная позиция, станет мощной движущей силой права и судебной системы на целое поколение вперед, и призывает консерваторов к разработке новых и более надежных альтернатив как оригинализму, так и либеральному конституционализму.

При этом, учитывая контекст, Вермель идет в атаку прежде всего против либертарианского (или «классического либерального») конституционализма, используя при этом, однако, аргументы оригинализма, в частности полагая, что либеральные принципы максимизации индивидуальной свободы находятся в противоречии с первоначальным значением Конституции и представлениями отцов-основателей США. В качестве подтверждающего примера он приводит решения судов Нью-Йорка 1811 г., которые оставили в силе обвинительный приговор за богохульство как преступление против общественного спокойствия и нравственности.

Предлагаемая Вермелем альтернатива рассматривается им как подлинный моральный конституционализм, который, с одной стороны, не поработен первоначальным значением Конституции, а с другой — освобожден от всеобъемлющего сакраментального нарратива либералов — неустанного расширения индивидуалистической автономии. Он подчеркивает, что его главная цель состоит не в том, чтобы максимизировать индивидуальную автономию или свести к минимуму злоупотребления властью, а в том, чтобы обеспечить правителю власть, необходимую для хорошего правления (*good rule*), то есть правления, стремящегося к общему благу. Отсюда, по его мнению, следует, что действовать вопреки свойственным хорошему правлению нормам — значит действовать тиранически, утрачивая право на правление. Цель конституционного порядка в его представлении — способствовать хорошему правлению, а не «защита свободы» в качестве абстрактного объекта квазирелигиозного поклонения. Ограничения же власти, полагает он, хороши не сами по себе, но лишь производно — в той мере, в какой они способствуют общему благу.

Вермель поясняет, что его подход не является в привычном смысле консервативным, поскольку стандартный консерватизм довольствуется лишь оборонительной игрой в рамках процедурных правил либе-

рального порядка, а представляет собой более амбициозный проект, заключающийся в отказе играть по правилам, установленным правовым либерализмом. При этом он подчеркивает, что его проект методологически наследует Р. Дворкину, призывавшему к моральному прочтению Конституции, однако, в отличие от него, содержательно отстаивает иной, нелиберальный набор моральных обязательств и приоритетов.

Хотя утверждение о необходимости прочтения Конституции в свете моральных стандартов само по себе указывает на соединительный тезис юснатурализма (тезис о связи морали и права), Вермель заявляет о своей приверженности естественно-правовой традиции. Он подчеркивает, что его подход не привязан к конкретным письменным правовым актам или создавшей их воле законодателей, но опирается на незапамятную традицию *ius gentium*, определяемого им как «общее право», то есть право, общее для всех цивилизованных правовых систем, а также принципы объективной естественной морали, включая внутреннюю моральность права в духе Л. Фуллера.

Вермель раскрывает моральные и вместе с тем конституционные принципы, ведущие, по его мнению, к общему благу и создающие справедливое и хорошо упорядоченное общество, — их соблюдение вменяется в обязанность всем должностным лицам, включая судей, которые должны интерпретировать общие положения и двусмысленности писаной Конституции в свете данных принципов. Эти принципы включают уважение к авторитету власти и правителей; уважение к иерархии, необходимой для функционирования общества; солидарность внутри семей, социальных групп, профсоюзов, профессиональных ассоциаций и др. и между этими сообществами; готовность законодательно закреплять мораль, поскольку любое законодательство основывается на определенной системе морали и, соответственно, поощрение морали является легитимной задачей власти. Исходя из последнего тезиса, Вермель называет мошенническими либертарианские конституционные решения, утверждающие, что они исключают мораль как основание действий органов государства, однако такие решения опираются лишь на конкретное представление о морали, которое, по его мнению, является неправдоподобным. В конечном счете провозглашаемые Вермелем новые принципы конституционного права должны «предоставить правителям широкие возможности для продвижения [...] триады принципов — мира, справедливости и изобилия» и превратить США в «государство, обладающее достаточными полномочиями для защиты уязвимых слоев населения от разрушительных последствий пандемий, стихийных

бедствий и изменения климата, а также от структур корпоративной власти, которые способствуют этим событиям» (Vermeule, 2020).

В отличие от правового либерализма, конституционализм общего блага не испытывает ужаса перед политическим господством и иерархией, поскольку он видит в законе «родителя, мудрого учителя и воспитателя хороших привычек» (ibid.). Справедливая власть правителей может осуществляться на благо подвластных, даже вопреки собственным представлениям последних о том, что для них лучше, — представлениям, которые со временем могут измениться, поскольку закон учит и воспитывает людей. Однажды, убежден Вермель, они придут поблагодарить правителя, чьи правовые ограничения, которые поначалу, возможно, будут восприниматься как принудительные, побуждают их формировать более искренние стремления к общему благу, лучшие привычки и убеждения, способствующие общественному благополучию.

Реализация обозначенных принципов, по мнению Вермеля, возможна благодаря новому прочтению Конституции, широкие обобщения которой «предоставляют достаточный простор для содержательных моральных толкований, способствующих миру, справедливости, изобилию, здоровью и безопасности посредством справедливой власти, иерархии и солидарности». Преамбула Конституции США и положение о полномочии Конгресса обеспечивать общее благосостояние (*general Welfare*) Соединенных Штатов наилучшим образом подходят для обоснования принципов конституционализма общего блага. При этом такому конституционному понятию, как свобода, не обязательно придавать либертарианское значение; вместо этого оно может быть прочитано в свете более глубокого понимания свободы как естественной способности человека действовать в соответствии с обоснованной (*reasoned*) моралью. Именно таким образом общее благо и вытекающие из него принципы могут быть интерпретированы как заложенные в общей структуре конституционного строя, а также в природе и целях правительства. Более того, Вермель в своем стремлении предложить альтернативную существующим подходам стратегию толкования Конституции, по сути, предлагает вообще не принимать во внимание писаную Конституцию — ее оригинальный либо контекстуальный смысл, выдвигая тезис о том, что, подобно всем иным конституциям, «настоящая, „эффективная“ Конституция Америки в значительной степени является неписаной или некодифицированной» (ibid.) — ее содержание составляют неписанные принципы естественного права, к которым часто в поисках справедливости апеллируют Верховный суд, Конгресс и президент.

Вермель намечает контуры будущих изменений конституционного порядка. Прежде всего в условиях конституционализма, основанного на принципе общего блага, должна измениться практика Верховного суда США в области свободы слова, аборт и сексуальных свобод: представление о том, что «каждый человек может определять свою собственную концепцию существования, смысла, вселенной и тайны человеческой жизни» (Planned Parenthood..., 1992), должно быть не только отвергнуто, но и «навсегда заклеено как отвратительное, выходящее за рамки приемлемого». «Под ударом топора» должны пасть либертарианские интерпретации свободы слова, запрещающие правительству судить о моральной ценности публичных выступлений. Либертарианские концепции экономических прав и права собственности также должны быть отвергнуты, поскольку они запрещают государству обеспечивать исполнение обязанностей солидарности (*duties of solidarity*) при использовании и распределении ресурсов. Что же касается организации исполнительной власти, то «конституционализм общего блага будет способствовать тому, чтобы могущественный президент управлял могущественной бюрократией, действующей в соответствии с принципами внутренней морали административного права с целью поощрения солидарности» (Vermeule, 2020). Органам государства должны быть предоставлены широкие полномочия по защите населения от капризов и несправедливости рыночных сил, от работодателей, эксплуатирующих разобщенных индивидуумов, от корпоративной эксплуатации и разрушения природной среды, а также по охране здоровья и благополучия населения, защите слабых от пандемий и многих других видов бедствий — биологических, социальных и экономических, даже когда для этого требуется отвергнуть эгоистичные притязания отдельных лиц на частные «права», включая, например, «право» на отказ о вакцинации. Государство также должно способствовать формированию здоровой культуры, ориентированной на стремление к истине, гражданской дружбе и уважению человеческого достоинства, а также на обуздание пороков, наносящих ущерб этим целям, которых невозможно достичь отдельным лицам, семьям или ассоциациям посредством децентрализованных действий. В конечном счете профсоюзы, гильдии, другие солидаристские объединения, а также традиционная семья выиграют от благосклонности закона, поскольку в силу принципа субсидиарности цель правления будет заключаться в том, чтобы помочь им эффективно функционировать. Конституционализм общего блага, заключает Вермель, обещает расширить и выполнить в новых обстоятельствах

обязательства Конституции по содействию общему благосостоянию и человеческому достоинству.

Спустя два года в монографии «Конституционализм общего блага» (Vermeule, 2022) основные идеи этой заметки были изложены в обрамлении классической аристотелевско-томистской традиции естественного права, представленной в качестве фундамента правовой культуры США. Усилия Вермеля прежде всего направлены здесь на прояснение понятия общего блага с опорой на рассуждения Фомы Аквинского. Как известно, следуя Аристотелю, Аквинат отождествляет благо и цель: благо является общим, поскольку оно есть совместно достигаемая конечная цель политического сообщества, к которой стремятся и которой наслаждаются все вместе (Фома Аквинский, Еремеев, 2010: 7). Аквинат возрождает аристотелевскую идею: связывая общее благо (общее счастье) и жизнь в добродетели, он подчеркивает, что они могут быть достигнуты только через участие человека в совершенном обществе (*societas perfecta*), поскольку, замечает он, частное лицо не может действительно приучить другого к добродетели (там же: 6–8). Следуя томистской традиции, Вермель подчеркивает неагрегативный характер общего блага: оно есть не сумма индивидуальных благ, а неделимое благо общества, принадлежащее всем совместно и каждому в отдельности (Vermeule, 2022: 28). Вермель использует аналогию между общим благом и целью команды в футбольном матче — победой, требующей сотрудничества всех игроков и не уменьшающейся от того, что ее разделяют все игроки — победители матча, которая как таковая не может быть сведена к сумме их индивидуального успеха (*ibid.*).

Вместе с тем главная проблема конституционализма общего блага заключена в изъятии из томистского понятия общего блага его трансцендентной опоры. С одной стороны, общее благо конструируется Вермелем по аналогии с высшим благом, достигаемым в небесной *civitas* и получаемым в таинстве Евхаристии: будучи благом всех и каждого, оно является единым и может быть разделено между всеми без его уменьшения (*ibid.*)⁹. Хотя здесь и возникает вопрос, каким образом, например, изобилие как составная часть триптиха общего блага Вермеля может быть разделено между всеми без его уменьшения, но в таком понятии

⁹Ср. с определением понятия общего блага в социальном учении католической церкви: это не просто сумма частных благ каждого субъекта общества, но, будучи благом всех и каждого, оно является и остается общим, потому что неразделимо и потому, что только вместе его можно достичь, приумножить и сохранить (Компендиум..., 2006: 116).

общего блага как будто бы устанавливается осознаваемая классической традицией связь порядков естества и благодати — идея, которую считает необходимым реанимировать Милбанк в своем проекте радикальной ортодоксии. Однако, с другой стороны, Вермель подчеркивает, что его проект ограничен исключительно временным благополучием политического сообщества, естественными благами временного порядка — порядком природы, а не порядком благодати; он прямо отказывается от любых размышлений о «конечных целях» людей (Vermeule, 2022: 29). Вместе с тем в социальном учении католической церкви отмечается, что «ни по какой причине нельзя лишать общее благо его трансцендентного измерения» — оно не является самодостаточной целью, но «имеет ценность лишь постольку, поскольку соотносится с достижением окончательных целей личности и с универсальным общим благом всего творения» (Компендиум..., 2006: 119). Однако именно эту трансцендентную перспективу общего блага и отсекает Вермель: он изымает его из теологической картины мира, где оно имеет смысл в соотношении с идеей личного спасения как свободно выбираемой линией поведения и где оно рассматривается как дар благодати — трансцендентный ответ на свободное этическое усилие человека, и помещает его в политический порядок, подразумевающий исключительно имманентные цели. Милбанк находит парадокс в том, что именно католические интегралисты отказываются от интегрированного понимания природы и благодати (Milbank, 2022). Это наносит удар по всему проекту Вермеля, имеющему цель возрождения классической правовой традиции: в своем стремлении реализовать стратегию «интеграции изнутри» секулярного общества он пытается скрыть религиозные основания этой традиции, предлагая в качестве ее онтологической основы понятие общего блага, которое, однако, в рамках рассматриваемой традиции не является самодостаточным, но имеет опору в трансцендентном порядке бытия. Таким образом, понятие общего блага Вермеля, изъятое из теоцентричной картины мира и предписываемое в качестве цели современному секулярному государству, а также не имеющее связи с республиканской традицией его интерпретации, оказывается если не пустым, то указывающим на единственно возможный вариант его понимания — как блага государства, *raison d'état*.

Однако Вермель открещивается от таких подозрений, подчеркивая, что не имеет в виду отождествление общего блага и блага государства, понятого как органическое целое (Casey & Vermeule, 2022: 110), с последующим противопоставлением благу индивидуума. Он только

считает необходимым уйти от либертарианского представления о правах человека, которое ставит их, как и благо отдельных лиц, в прямое противоречие с общим благом и рискует довести концепцию прав до той точки, где само нахождение человека в обществе является источником нарушения его прав (Casey & Vermeule, 2022: 140–142). Вместе с тем он утверждает, что «благо государства [...] является аспектом блага каждого отдельного человека, являющегося его частью, и, по сути, его высшим [...] благом» (ibid.: 113). Непроясненность понятия общего блага имеет своим следствием циркулярную аргументацию в вопросе о его соотношении с индивидуальными правами. С одной стороны, Вермель отвергает агрегированную концепцию общего блага утилитаризма. Отсюда как будто бы следует, что общее благо — это благо сообщества в целом, независимое от блага отдельных лиц, на что указывают его описание общего блага, например, как «счастья или процветания сообщества» (Vermeule, 2022: 29), утверждение о том, что «благо общества *само по себе* является высшим благом для отдельных людей» (Casey & Vermeule, 2022: 105), или признание общего блага неделимым благом общества (ibid.: 110). С другой стороны, это благо сообщества рассматривается не «само по себе», а как условие возможности индивидуальных прав, поскольку «цель сообщества в конечном счете заключается в содействии благу отдельных лиц» (ibid.), но при этом права то ли являются «составными частями общего блага» (Vermeule, 2022: 24), то ли изначально определяются общим благом (Casey & Vermeule, 2022: 137). Такое мерцание локуса блага делает понятие общего блага Вермеля по крайней мере трудноуловимым, а вместе с ним, в отсутствие ясным образом сформулированного представления о человеке, — и понятие индивидуальных прав. Его утверждение о том, что, согласно классической традиции, право является правом только при условии, что оно направлено на общее благо политического сообщества (ibid.: 105), не позволяет каким-либо образом идентифицировать понятие права в классической традиции.

В отличие от коммунитаристского проекта Милбанка конституционализм общего блага предстает этатистской и, несмотря на приверженность интегрализму, имманентистской концепцией. Призыв Вермеля к проявлению гражданских добродетелей, необходимых для достижения общего блага, в соединении с тезисом о том, что бюрократия с широкими полномочиями, управляемая энергичным и мотивированным политическим лидером, лучше подходит для продвижения общего блага в современных условиях (ibid.: 135), был воспринят многими критиками как авторитарное принуждение к добродетели.

ОБЩЕЕ БЛАГО СУЩЕСТВУЕТ: ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА
И ОБЩЕЕ БЛАГО (ПРИМЕР РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ)

Можно выделить три главных направления обсуждения концепции Вермеля: само понятие общего блага и его соотношение с индивидуальными правами — вопросы, рассматриваемые в более общем контексте проблемы моральных оснований права, роль государственных институтов, в частности судов, в продвижении общего блага, а также предлагаемый им подход к толкованию Конституции США. В каждом из этих направлений демонстрировались противоположные оценки идей Вермеля, что, как уже отмечалось, дало повод говорить о том, что его книга привела конституционалистов США в состояние войны (M. L. Smith, 2023: 1218). В этом разделе мы сосредоточимся на положительных откликах о концепции Вермеля и покажем один из предложенных вариантов ее развития, в следующем — речь пойдет о ее критике.

Так, судья Пол Б. Мейти соглашается с тезисом Вермеля о том, что «принципы классической правовой традиции — это наши собственные принципы, записанные в наших собственных традициях» (Vermeule, 2022: 53). Они не придуманы сегодняшними судьями и учеными для достижения второстепенных целей, но — в виде «канонов морального обоснования» — даны нам Основателями, которые создали нашу форму правления и поручили судебной системе ее защиту. Эти принципы и традиции дают метод интерпретации Конституции, согласно которому позитивное право укоренено в естественном праве и ориентировано на общее благо — учитывая данное обстоятельство, судьи могут «наилучшим образом помочь Народу сохранить свою Республику» (Matey, 2023: 979–980).

В. Родригес-Бланко также находит предпринятый Вермелем анализ классической американской и европейской правовой традиции проникательным и соглашается в том, что идея права как устремленного к общему благу требования практического разума составляет ее основное содержание (Rodriguez-Blanco, 2023: 984). Она также разделяет критику Вермелем оригинализма и живого конституционализма, полагая, что они опираются либо на иллюзию, либо на слепоту: иллюзия заключается в представлении о том, что практический разум не является конститутивным для человеческих практик и институтов, слепота — в убеждении в том, что мы можем двигаться вперед, создавая институты и формируя социальные практики без какого бы то ни было видения общего блага и процветающей жизни (ibid.: 992). Общее благо, подчеркивает она,

является продолжающимся делом практического разума, а не конечным состоянием дел, которое можно «воспринять» или «теоретизировать», и именно поэтому оно необходимо связано с добродетельной жизнью каждого члена политического сообщества, включая его должностных лиц. Следовательно, в отсутствие ретроспективного, опирающегося на традицию, и перспективного видения общего блага мы обречены либо верить, что нам нужно быть привязанными к фиксированному значению Конституции, либо произвольно изобретать и переизобретать новые значения и новые ценности, которые не укоренены в нашей рациональности как субъектов определенной традиции (Rodriguez-Blanco, 2023: 992–993). Исходя из этого Родригес-Бланко поддерживает идею Вермеля о возможности третьей стратегии толкования Конституции — при условии, что мы сможем проследить исторические и юридические корни классической правовой традиции (ibid.: 986). Это даст необходимое для судей понимание ее ценностей и способов их воплощения в правовых и политических институтах и избавит их от абстрактного упражнения в изобретении принципов в стиле Р. Дворкина (ibid.: 990)¹⁰.

Соотношение общего блага с индивидуальными правами обсуждает, в частности, Д. Миллер, специфицируя эту проблему применительно к праву на оружие. Не разделяя всех положений концепции Вермеля, он аттестует его проект как «бескомпромиссный в своей интеллектуальной честности» (Miller, 2023: 1029). По мнению Миллера, подход Вермеля позволяет переосмыслить телеологию права на оружие с точки зрения не только атомистической заинтересованности правообладателя в индивидуальной самообороне, но и того, при каких условиях частное владение, ношение и использование смертоносного оружия способствовало бы общему благу (ibid.: 1052). Миллер приходит к выводу, что конституционализм общего блага предоставляет надежную оптику анализа конституционных прав и их гармонизации с общим благом в рамках справедливого порядка и направлен «на восстановление более тонкого

¹⁰В известном решении Верховного суда США по делу «Дред Скотт против Сэндфорда» от 6 марта 1857 г. суд на основе обращения к историческим источникам установил, что составители Конституции рассматривали чернокожих рабов и их потомков как «низшую категорию существ, покоренных доминирующей расой», и пришел к выводу, что афроамериканцы не могут быть включены в американское политическое сообщество в качестве граждан (Dred Scott..., 1856). Вероятно, такое понимание судом воплощенных в правовых институтах ценностей рассматривается интерпретаторами классической традиции американского конституционализма как находящееся за ее пределами.

и точного понимания прав в американской правовой традиции и на спасение нашего конституционного словаря от его постоянного скатывания в „разговоры о правах“» (Miller, 2023: 1039).

Канадские правоведы С. Серафин, К. Сан и К. Ф. Менар также поддерживают подход Вермеля к соотношению индивидуальных прав и общего блага, обозначая его как объективистский и противопоставляя его субъективистскому прочтению основных прав, согласно которому «права существуют в отвлечении от общего блага политического сообщества и [...] тем самым конкурируют с общим благом». С объективистской же точки зрения права, будучи соотнесены с обязанностями, не могут быть представлены в качестве абстрактных прав, «принадлежащих» отдельным людям, но по своей природе являются реляционными и межличностными и соответственно не могут быть определены в отвлечении от социальных отношений. Правоведы разделяют идею Вермеля о том, что общее благо, понимаемое в неагрегированном смысле, «изначально входит в само определение прав» (Vermeule, 2022: 166), а потому говорить о правах как о конкурирующих с общим благом непоследовательно (Séraphin et al., 2023: 150–151).

Концепция Вермеля также получила определенное развитие — например, в рамках «юриспруденции добродетелей» (*virtue jurisprudence*) (Solum, 2023), «оригинализма общего блага» (Hammer, 2021; 2023), в качестве инструмента анализа конкретных правовых систем (Casey, 2023) и толкования конституционных актов (Sulyok, 2023). Вместе с тем любая политическая и правовая теория имеет своим основанием определенное представление о человеке. Человек в его взаимоотношениях с другими людьми, сообществом и государством находится в фокусе теории конституционализма, где проблема человека представлена через категорию прав человека, как правило, рассматриваемую в оппозиции к общему благу. Именно поэтому среди предложенных вариантов развития концепции Вермеля прежде всего привлекают внимание идеи М. Форана (Университет Глазго), ставящего вопрос о том, как может пониматься человек в рамках конституционализма общего блага? Обсуждение этого вопроса представляется тем более необходимым, что, по замечанию одного из критиков, Вермель в своей концепции не предъявляет какого-либо видения природы человека, без прояснения которой невозможно прояснить и понятие общего для людей блага (S. D. Smith, 2022).

Выделяя три формы существования конституционной теории — (1) в виде комментариев к решениям конституционных судов, (2) в качестве

политической философии, постулирующей абстрактные идеальные модели конституционного устройства, и (3) как имеющую в своей основе теоретическое объяснение природы права, — Форан относит концепцию Вермееля к последней (Foran, 2023b: 1009–1010).

Исходя из лежащего в основе концепции конституционализма общего блага томистского понятия права как обнародованного публичной властью и направленного к общему благу установления разума (Vermeule, 2022: 3), Форан предпринимает попытку развить естественно-правовую концепцию правосубъектности, подчеркивая, что быть правовым субъектом означает быть не только автономным агентом, но и «членом сообщества, способным процветать и вести благую жизнь», что предполагает уважение равного достоинства всех членов политического сообщества (Foran, 2023b: 1010). Поскольку мы все, независимо от юрисдикционных ограничений позитивного права, являемся субъектами естественного права, постольку мы «заслуживаем того, чтобы с нами обращались как с личностями в силу нашего равного человеческого достоинства» (ibid.). Он задается вопросом — что является достоинством и его основанием с точки зрения концепции, заявляющей о приверженности общему благу?

При обосновании достоинства Форан считает необходимым сместить акцент с приписываемых (полагаемых врожденными) человеку свойств на специфический для человека тип (способ) его бытия, полагаемого им как бытие, в котором раскрывается (и даже расцветает) его личность¹¹: основой достоинства является наша радикальная способность становиться личностью (ibid.: 1010–1011). Эта способность, подчеркивает он, актуальна в том смысле, что она существует, даже если потенциальные возможности, которые она подразумевает, еще не активированы:

...фундаментальная способность всех людей быть полноценными моральными агентами дает нам право на признание и уважение как таковых, даже если в силу младенчества или инвалидности мы не сможем полностью реализовать этот потенциал немедленно или когда-либо (ibid.: 1015).

¹¹При этом Форан воздерживается от обсуждения критериев процветания человека, замечая лишь, что они будут в значительной степени зависеть от контекста, однако вопросы «чего требует достоинство?», «что составляет общее благо?» и «как мы можем процветать?» — это, по его мнению, один и тот же вопрос, и на него может быть дан один и тот же ответ (Foran, 2023b: 1027).

Общая всем людям человечность как (потенциальная) способность к личностному бытию является основанием взаимного признания равного достоинства каждого без каких-либо различий в степени: «Человеческое достоинство, — поясняет Форан, — означает наше онтологическое единство и радикальное моральное равенство» (Foran, 2023b), что, по его мнению, составляет основу взаимности моральных обязательств. Иными словами, требование взаимного признания равного достоинства имеет моральные основания; равенство обосновывается достоинством как специфически человеческим типом личностного бытия, а само достоинство выступает в качестве основы для фундаментальных прав, коррелирующих с обязанностями человека в соответствии с принципом справедливости, при этом права не могут быть агрегированы в рамках некоторого утилитарного исчисления.

Отсюда, по мнению Форана, следует, что конституционализм, основанный на взгляде на людей как на простые сосуды для различного рода интересов, часто может принимать форму консеквенциализма, стремящегося при определении общего блага исключительно к максимизации (агрегации) общего счастья или полезности, допуская тем самым возможность пожертвовать благом немногих членов сообщества для достижения блага целого как суммарно «большого» блага. Юриспруденция, ориентированная на взаимное признание равного достоинства, не может допустить консеквенциалистского расчета и позволить себе трактовать политику как механизм, который определяет, кто должен быть либо принесен в жертву ради блага большинства, либо, напротив, защищен от сообщества, с которым он находится в фундаментальном конфликте (ibid.: 1016–1021). Форан задается вопросом: как мы можем представить себе общее благо, которое не является суммой разрозненных интересов или волей большинства? Здесь идея неагрерированного общего блага, разделяемая Вермелем, становится, по его мнению, откровением (ibid.: 1021).

Обосновывая связь достоинства и общего блага, Форан показывает, что каждая из составных частей понятия общего блага — «общее» и «благо» — опирается на идею равного достоинства разными способами.

«Общее» в общем благе выявляет аспект равенства достоинства, что отвергает видение политики, основанное на напряжении между индивидуумом и большинством. Опираясь на понятие общего блага Вермеля, Форан подчеркивает, что общее благо предполагает моральное равенство людей, и представляет политику как должным образом

упорядоченную по отношению к тем благам, каждым из которых могут пользоваться все члены общества без какого-либо их умаления, — в их числе, согласно уже приводившейся формуле Вермеля, мир, справедливость и изобилие, экстраполированные на современные условия и включающие также здоровье, безопасность и экономическую защищенность (Vermeule, 2022: 7). По мнению Форана, наиболее полное наслаждение такими благами может быть достигнуто только тогда, когда человек разделяет его с сообществом морально равных (Foran, 2023b: 1021–1022). Концептуальному напряжению между интересами сообщества и интересами индивида он предлагает противопоставить тезис Вермеля о том, что, согласно классической традиции, «благо общества само по себе является благом для индивидов» (Vermeule, 2022: 29). Приверженность общему благу, таким образом, противостоит как тирании, где государственная власть используется для личной выгоды, так и различным формам олигархии, при которой власть государства настолько слаба, что не может предотвращать злоупотребления в отношении уязвимых членов общества со стороны могущественных частных лиц (Foran, 2023b: 1022).

При определении же «блага» в общем благе Форан исходит из того, что благо не сводится к удовлетворению любых желаний или предпочтений, но «должно быть объективным, даже если оно зависит от контекста для его конкретной артикуляции и, таким образом, открыто для разумного несогласия» (ibid.). Он скептически относится к либеральному идеалу нейтралитета по отношению к благу и приоритета права над благом, полагая, что либеральный конституционализм фактически не является этически нейтральным (Foran, 2023a: 600), и считает возможным определить, что является подлинно благом и, таким образом, способствующим процветанию и делающим наши направленные на благо предпочтения и желания разумными. Опираясь на тезис Вермеля о том, что любое уголовное законодательство имеет в своей основе определенную концепцию морали, Форан поясняет, что желания педофила или расиста плохи даже безотносительно последствий их осуществления — они унижают достоинство, иными словами, дегуманизируют самих субъектов таких желаний и подавляют их способность процветать как членов сообщества морально равных (Foran, 2023b: 1023).

Таким образом, общее благо не есть «большее» благо — отождествлять их значит в корне не понимать, что делает общее благо общим. Форан подчеркивает: «процветание отдельного человека требует его

участия в сообществе морально равных людей, которые также процветают, так что сообщество в целом (а не только большинство) может процветать» (Foran, 2023b). Вследствие этого блага отдельного человека не может быть отделено от блага сообщества. «Моя жизнь лучше, когда жизнь моих друзей лучше», — передает Форан мысль Дж. Финниса, относящуюся к характеристике последним общности дружбы как центрального случая того, что Аристотель называл *philia* (Финнис, Гайдамака и Панихина, 2012: 182). Однако, в отличие от Финниса, отвергающего притязания национального государства на то, чтобы быть совершенным обществом и полагающего в качестве такового международное сообщество (там же: 192), Форан, следуя здесь за Ж. Маритеном (Maritain, Fitzgerald, 1966) и Вермелем, считает возможным говорить об общности дружбы применительно к государству: «членство в гражданском сообществе закладывает основу уз гражданской дружбы, которая связывает всех членов государства» (Foran, 2023b: 1023). Апеллируя к Аквинату, Форан подчеркивает: общая цель состоит в том, чтобы все члены сообщества могли вести процветающую жизнь и чтобы с ними обращались справедливо (ibid.). Взаимное уважение достоинства создает процветающее политическое сообщество равных, членство в котором является необходимым условием и вместе с тем способом осуществления благой жизни. Конституционализм, стремящийся к действительному уважению равного достоинства людей, полагает он, должен быть направлен на коллективную реализацию человеческого потенциала — через сотрудничество, чего, по его мнению, нельзя добиться исключительно путем создания и поддержания системы индивидуальных прав (ibid.: 1026–1027).

Поясняя соотношение общего блага и индивидуальных прав и рассматривая их как со-конститутивные, Форан подчеркивает, что если общее благо составляет цель конституционного порядка, то как таковая она не может быть достигнута негодными средствами — нарушением прав. «Невозможно с помощью пыток прийти к общему благу» (Foran, 2023a: 607). Умалять процветание других, не уважать их достоинство во имя общего блага — значит в корне неверно понимать, что делает общее благо общим (ibid.: 606). Форан полагает необходимым преодолеть навязанную дихотомию общего блага и индивидуальных прав, бесконечно сталкивающихся в безнадежном противостоянии, и отказаться от любого описания общего блага, которое основывается на этом напряжении (ibid.). С одной стороны, общее благо не является общим, если оно исключает уважение достоинства, с другой — понимание практически любого

интереса как требующего защиты права «коррумпирует» общее благо (Foran, 2023a: 606, 623), рассматриваемое в качестве публично-правового порядка, делающего возможным существование и реализацию прав, и в этом смысле принадлежащее всем вместе и каждому в отдельности.

Но каким образом возможно обеспечить всеобщую устремленность к благой жизни? С одной стороны, Форан разделяет политический рецепт Вермеля: «Чтобы по-настоящему уважать нашу радикальную способность процветать, те, кому поручено заботиться об обществе, должны принимать меры для содействия реализации этой способности» (ibid.: 1011–1012). С другой стороны, он признает, что без теории институционального дизайна конституционализм общего блага превращается в набор политических целей, конкурирующих на конституционной арене с другими политическими целями, и поэтому полагает важным конкретизировать общее благо как конституционный принцип в современном контексте (Foran, 2023b: 601). Общее благо — не просто цель, к которой следует стремиться, но и правовой принцип, который следует уважать, следовательно, общее благо является как телеологическим, так и деонтическим понятием (ibid.: 609). Форан предпринимает попытку наметить основные черты институционального дизайна правопорядка, ориентированного на достижение общего блага (ibid.), которые здесь мы вынуждены опустить. Вместе с тем его надежды, кажется, связаны не столько с институтами, сколько прежде всего со способностью человека действовать с достоинством — постоянно актуализировать свою радикальную способность к процветанию, то есть «проявлять и демонстрировать свою человечность в самом полном смысле этого слова» (Foran, 2023a: 1025). Достойная жизнь, таким образом, заключается не в реализации права на достойное существование, но в следовании этике долга: в героизме и доблести, в том, чтобы

действовать с состраданием и мужеством, умирая от рака, молиться за своего обидчика и прощать его, твердо придерживаться своего долга, даже когда его исполнение требует невозможного, — все это демонстрирует сохранение своей человечности перед лицом невзгод (ibid.).

При этом он подчеркивает, что реализация человеческого потенциала какими-либо особенно хвalebными способами не приводит к увеличению ценности человека, поскольку каждый обладает равным достоинством (ibid.: 1026).

В основе личностной антропологии Форана распознаются христианские и скорее даже восточнохристианские мотивы: достоинство человека связывается не с полагаемой универсальной природой индивидуума, которой атрибутируются те или иные свойства, а со способностью человека к личностному бытию, подобному личностному (ипостасному) бытию Бога, что неявным образом возвращает теме общего блага трансцендентную перспективу¹².

ОБЩЕГО БЛАГА НЕ СУЩЕСТВУЕТ: КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ

Уже в первую неделю после опубликования Вермелем в марте 2020 г. заметки «За пределами оригинализма» на нее откликнулись несколько ведущих ученых. Их отзывы были негативными: изложенные в ней идеи названы опасными (Barnett, 2020) и даже «более страшными, чем вирус [COVID]» (Dyzenhaus, 2020), их сочли аргументами в пользу «авторитарного экстремизма» (Erpps, 2020). Вышедшая спустя два года книга Вермеля также не оставила равнодушным юридическое сообщество: его книгу ненавидят и прогрессисты от юриспруденции (за критику живого конституционализма), и консерваторы (за критику оригинализма) (Miller, 2023: 1029), и юспозитивисты, и юснатуралисты, а юридический истеблишмент она «приводит в трепет» (Barnett, 2022: 34). Критики увидели в ней «апологию грубой силы и подавления различий» (Keenan, 2022), а в ее авторе — «пророка, пытающегося начать народное движение» (McGinnis, 2022). В пике авторитарной концепции Вермеля выдвигается требование разработки проекта либерального и даже феминистского конституционализма общего блага (McClain & Fleming, 2023: 1147).

Отмечаемые критиками «удивительная поверхностность» книги Вермеля (Baude & Sachs, 2023: 863), ее «ошеломляющая банальность» (S. D. Smith, 2022), легковесность, недостаточная ясность, разочаровывающая непрозрачность ее языка, бесполезные аналогии в соединении со слабым научным вкладом автора (Kelly, 2024: 419, 431, 440), непонимание автором многих важных вещей (Sachs, 2023: 1272), ошибки в рассмотрении темы и во взглядах, отсутствие аргументов и даже «чушь» (Leiter, 2023: 1687–1689; Pryor, 2022: 26, 30) диссонируют с тем вниманием к ней, которого она — по их же оценке — не заслуживает (Leiter, 2023: 1713), что наводит на мысль о политико-идеологическом характере неприятия

¹²Происхождение этих мотивов, вероятно, может быть объяснено симпатиями некоторых постлибералов к православному богословию, о чем упоминалось выше.

концепции Вермеля, представляющей собой, по мнению ряда критиков, политический манифест (Kelly, 2024: 440). Собственно научное обсуждение представлено критикой предлагаемого Вермелем нового подхода к толкованию Конституции США (Barclay, 2023; Но, 2023; Pryor, 2022; Sunstein, 2023). Кроме того, со стороны представителей естественно-правового подхода была развернута дискуссия о превосходстве инструментальной концепции общего блага, в частности Финниса, над концепцией Вермеля (Strang, 2023), а также о возможности естественно-правового обоснования критикуемого Вермелем оригинализма (Alicea, 2022; Pojanowski & Walsh, 2022).

Столь оживленное обсуждение концепции, вероятно, не в последнюю очередь связано с тем, что Вермель, в отличие от других его коллег, писавших на тему общего блага (например: Crowe, 2019; Duke, 2016; 2017), не ограничивает обсуждение данного понятия отвлеченной сферой философии права или истории идей, но стремится обосновать и легитимировать обусловленные его неагрегативным пониманием общего блага стратегии толкования Конституции. Кроме того, в идее общего блага совмещаются политический, правовой и моральный дискурсы, что делает его радикально полемическим понятием¹³ и обостряет внутри собственно правового дискурса вопрос о соотношении морали и права и о легитимности моральных интервенций в право — проблема, различное решение которой традиционно разделяет две большие традиции правовой мысли — юридический позитивизм и юснатурализм.

Концепция Вермеля, как принадлежащая естественно-правовой традиции, предсказуемо оказывается уязвимой для аргументов юспозитивистской критики, пример или даже образец которой мы находим у Б. Лайтера — одного из наиболее влиятельных современных философов права. В рецензии на книгу Вермеля он строит критические аргументы на основе традиционных позитивистских тезисов — этического скептицизма (релятивизма), согласно которому не существует каких-либо объективно правильных естественного права или морали, и этического агностицизма, в соответствии с которым методология юриспруденции как науки не позволяет познать объективно правильное естественное право или мораль. Лайтер считает тревожным симптомом тот факт, что в американском юридическом сообществе уважаемый ученый в области публичного права может написать книгу, в которой бесконечно говорится о «принципах объективной естественной морали»,

¹³О полемических понятиях конституционного права см.: Кондуров, 2024.

«объективном порядке справедливости» и т. п., не осознавая при этом необходимости поднять вопрос, существует ли что-либо подобное или это просто иллюзия (Leiter, 2023: 1699). Разумеется, Лайтер, следуя позитивистской традиции обсуждения данных вопросов, считает естественное право иллюзией, возвышающей соответствующие идеи над любой формой интерсубъективного контроля и открывающей дверь необузданной фантазии и догматизму, которые выдают разноречивые, зачастую несовместимые между собой предписания, обусловленные культурными предрассудками своего времени, за самоочевидные, вечные и неизменные истины разума. Отсутствие на протяжении тысячелетий какого-либо сближения позиций представителей естественно-правового подхода, в рамках которого могут сосуществовать как томистские, так и национал-социалистические интерпретации естественного права, равным образом выдаваемые за законы природы, Бога или разума, Лайтер, исходящий из позитивистского тезиса о праве как социальном факте, считает аргументом, свидетельствующим об отсутствии такого явления, как *ius naturale*, и соответственно об избыточности обозначающего его понятия (ibid.: 1699–1704).

Точно так же не существует и общего блага. Как подчеркивает М. Келли, еще один представитель юридического позитивизма, «даже если мы принимаем метафизическое утверждение о том, что существуют универсальные и неизменные принципы общего блага, нам все равно нужен надежный метод познания того, что они собой представляют», однако следов такого метода в концепции Вермеля обнаружить не удалось (Kelly, 2024: 427). Используемые судами при разрешении трудных дел аргументы к публичному интересу или соображениям национальной безопасности, приводимые Вермелем в качестве доказательства того факта, что суды руководствуются при вынесении решений принципами общего блага, отвергаются Лайтером на том основании, что этот факт, относящийся к их риторике, ничего не говорит о том, имеют ли суды в виду «общее благо» Вермеля или осуществляют дискрецию в соответствии с собственными моральными и политическими убеждениями (Leiter, 2023: 1710).

Вместе с тем за этим традиционным для позитивиста набором критических аргументов стоят определенные идеологические предпочтения, с большей или меньшей степенью очевидности вплетаемые в ткань, казалось бы, вполне теоретических рассуждений. Лайтер, а также Келли

не столько критикуют концепцию Вермеля с хрестоматийно-методологических позиций позитивизма, сколько не принимают ее политико-идеологически, мировоззренчески, несмотря на демонстрируемый ими respectable традиционно-позитивистский этический релятивизм. Очевидно, что невозможно отрицать существование объективно правильного права или морали и одновременно считать исключение из понятия семьи гомосексуальных союзов дискриминирующим и комичным предрассудком, обусловленным культурными стереотипами (Kelly, 2024: 428; Leiter, 2023: 1714)¹⁴, томистские моральные требования — сомнительными, сектантскими и безвкусными (ibid.: 1717), а защищающую их концепцию Вермеля — предосудительной (ibid.: 1689). Подобного рода оценки предполагают критерий оценки, который в данном случае определяется от противного: если главный пункт критики Лайтером конституционализма общего блага — ее антилиберальный и антииндивидуалистический характер (ibid.: 1686), то очевидно, что критика ведется с противоположных позиций — либерально-индивидуалистических, полагаемых правильными, по крайней мере intersubjectively. Лайтер избегает прямого упрека Вермеля в нацизме, но контекст сравнения провоцирует именно такой вывод:

Хотя нацистские теоретики права говорили о справедливости, морали и *Recht*, а не об «общем благе», это различие только на уровне словаря, а не содержания — нацистский случай иллюстрирует, что отвратительные идеи могут существовать под антипозитивистским знаменем интеграции «морали» и «добра» [...] в право именно потому, что риторическая сила этих концепций может быть и была привлечена от имени практически любой повестки дня, которую поддерживает оратор (ibid.: 1712).

С позиций разделяемой им либеральной идеологии Лайтер атакует само понятие общего блага в концепции Вермеля. Он отвергает аргумент Вермеля о том, что «классическая правовая традиция [...] была нашим правом с самого начала» (Vermeule, 2022: 89), полагая, что естественно-правовая концепция, на которую опирались создатели Конституции США, была гораздо более индивидуалистической, нежели утверждает Вермель, а томистская концепция «общего блага» вообще была чужда американской правовой традиции (Leiter, 2023: 1696). Лайтер готов признать, что благо индивидуума может зависеть от реализации определенных общих благ, и каждый, вероятно, может прямо

¹⁴Движение ЛГБТ включено Росфинмониторингом в реестр экстремистских и террористических организаций.

или косвенно извлечь выгоду из существования в сообществе, однако отсюда, по его мнению, не следует категоричный тезис Вермеля о том, что общее благо является высшим благом для индивидуумов. Иными словами, «общее благо» может быть инструментально необходимым для реализации блага отдельных лиц, но оно никоим образом не является конститутивным для блага каждого из этих лиц — человек может наслаждаться здоровьем, безопасностью и экономической защищенностью, при этом, подчеркивает Лайтер, для него не имеет никакого значения, являются ли эти блага общими для всех (Leiter, 2023: 1692). Однако самая главная теоретическая проблема, по его мнению, заключается в том, что Вермель, отвергая утилитаристские взгляды, никак не поясняет критерии того, что считать благом для отдельного индивидуума или сообщества в целом, как и предпочтительность неагрегированного понимания общего блага по сравнению с представлением о нем как сумме индивидуальных благ. Келли также акцентирует внимание на том, что Вермель, вместо того чтобы дать аналитическое определение или описание понятия, просто проводит аналогию между общим благом и целью команды в футбольном матче. Проблема, однако, по мнению Келли, заключается в том, что если для определения победы в футболе существуют правила, то критерии определения общего блага — и как общего, и как блага — в концепции Вермеля не эксплицированы (Kelly, 2024: 431). Вместе с тем, с учетом позиции, занимаемой Вермелем по сложным делам, рассматриваемым Верховным судом США, Лайтер предполагает, что общее благо в его понимании включает в себя нравственное благополучие сообщества (обеспечиваемое, в частности, запретом порнографии и однополых союзов) и защиту определенных истин, в том числе религиозных. Лайтер недоумевает, почему все это общие блага, однако беспокоится о практических последствиях этого перечня (Leiter, 2023: 1694).

Вывод Лайтера — одновременно теоретический и идеологический: идея Вермеля об «общем благо» является предвзвешенной — нет никаких причин предпочесть юридическую картину Вермеля картине позитивистов, а конституционализм общего блага представляет собой то ли консервативную (томистскую) версию живого конституционализма в стиле Р. Дворкина, то ли «грубый, ориентированный на результат правовой реализм», согласно которому судебная система и административные органы должны быть привлечены к участию в политической программе, вряд ли способной, по его мнению, получить демократическую поддержку (ibid.: 1689). Келли полагает возможным осуществление идей

Вермеля исключительно в Вермелитании — вымышленном государстве, в котором власть принадлежит автору концепции (Kelly, 2024: 423).

Две болевые точки критики конституционализма общего блага — это Бог (церковь) и государство, выступавшие предметом разоблачения еще в чистом учении о праве Г. Кельзена, выражавшего уверенность в том, что «они полностью утратят существование вместе со своей огромной, наполняющей мировую историю властью, как только человеческая душа освободится от этой власти» (Кельзен, Антонов и Краевский, 2024: 101). Соответственно, концепции Вермеля вменяются в вину авторитаризм и клерикализм.

По мнению критиков, Вермель прокладывает путь к режиму, в котором государство и его органы являются оракулами общего блага (Pojanowski & Walsh, 2022: 427). Он «поддерживает административное государство как институт, наилучшим образом отвечающий за реализацию естественного права», однако «должен показать, как его концепция общего блага, а не какие-то другие нормативные цели, будет фактически достигнута административным государством, которое он уполномочил осуществлять естественное право» (Barnett, 2022: 36, 40). Оппоненты Вермеля выражают глубокое сомнение в том, что свободный американский народ, отличающийся моральным плюрализмом и собственным представлением о справедливости и благой жизни, подчинится правлению авторитарного конституционализма общего блага (McClain & Fleming, 2023: 1148). Проповедуемый Вермелем христианский национализм готов санкционировать использование любых политических практик, включая антидемократические, для достижения того, что можно выдать за общее благо (Tamanaha, 2022). В его книге расслышали знакомый рефрен о том, что обещание награды на небесах способно оправдать любые действия государства, если они считаются полезными для наших душ в загробной жизни (Kelly, 2024: 429). Попытка вернуть в юридический дискурс «общее благо» в его неагрегированном виде была воспринята как возвращение Левиафана: «предпочитаемое Вермелем правительство гораздо ближе к Левиафану, чем к правительству, разработанному американскими основателями», а потому «его рецепт мощного административного Левиафана, не ограниченного ничем, кроме его представления об „общем благо“, вряд ли будет принят» (S. D. Smith, 2022). Политический проект Вермеля, стремящийся ограничить индивидуальную автономию и использовать для этого государственную власть, представляет собой однозначный авторитаризм (Borg, 2023: 15).

Критики рассмотрели на обложке книги А. Вермеля современную стилизацию монет Римской империи, на одной из которой написано *fides publica* — общественная вера.

Но если лицевые стороны этих трех монет символизируют мирские амбиции светской империи, то мы не можем не задаться вопросом о том, какие религиозные изображения находятся на их обратной стороне. Именно эти символы — те, которые интеграллисты и постлибералы не хотят показывать читателям, — имеют решающее значение для понимания того, что на самом деле означает «общее благо» в их конституционализме (Schragger, Schwartzman, 2022).

Стратегический замысел Вермеля, о котором он умалчивает в своей книге, без труда был разгадан — это, полагают Р. Шреггер и М. Шварцманн, не возрождение «классической правовой традиции», а создание авторитарного государства, интегрированного с религиозными целями или, точнее, подчиненного им (*ibid.*). Они опасаются, что государство, поставленное на службу общему благу, определяемому в терминах религиозного авторитаризма, будет использовано для нелегитимного в условиях светского общества продвижения определенных моральных ценностей, воплощенных в патриархальной семейной политике, протекционистской трудовой и экономической политике, законодательстве о морали и пороках (включая запреты на аборт, порнографию, богохульство), в ограничениях прав гомосексуалистов и т. п. (*ibid.*).

Промежуточные итоги развернувшейся дискуссии резюмировал Вермель: редко так много сторонников необузданной свободы мысли сталкивались с идеей, которую они стремились заклеить как выходящую за рамки всех приличий (Casey & Vermeule, 2022: 107; см. также: Casey, 2021). Обвинения концепции в продвижении авторитаризма он счел бессмысленными, основанными на заблуждениях и мифах в отношении классической правовой традиции (Casey & Vermeule, 2022: 132), а упрек в неопределенности понятия общего блага отклоняется им на том основании, что оно является не более неопределенным, чем понятия свободы и равенства, а потому неопределенность общего блага есть проект, который необходимо разработать посредством юриспруденции, а не убедительное возражение против самого проекта (*ibid.*: 143).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критики предъявляют конституционализму общего блага претензию в отказе от либерального идеала моральной нейтральности и попытке интервенции религиозной морали в право при поддержке государственных

институтов. Однако более точным было бы диагностировать эту концепцию как попытку обосновать возможность замены морали секулярного общества, продвигаемой при помощи тех же политических институтов, религиозной моралью. Этот диагноз как будто подтверждает недавний указ Д. Трампа от 6 февраля 2025 г. «Об искоренении антихристианских предрассудков» (*Eradicating Anti-Christian Bias*, 2025), который также можно рассматривать в качестве практического воплощения ряда идей Вермеля, возможно, идеологически и «стратегически» подготовивших соответствующую политику.

Целью указа провозглашается защита религиозных свобод американцев, для чего необходимо положить конец антихристианской политике правительства. Характеризуя политику предыдущей администрации как «антихристианское правление», Трамп обвиняет ее в двойных стандартах защиты религиозной свободы: «вопиющая» практика привлечения к уголовной ответственности «мирных христиан» (например, молившихся у абортария), с одной стороны, и игнорирование фактов совершения «насильственных антихристианских преступлений» (например, более 100 актов вандализма в отношении католических церквей, христианских благотворительных организаций и др.) — с другой. Трамп заявляет, что он уже исправил несправедливость, объявив 23 января 2025 г. о помиловании христиан, приговоренных к многолетним тюремным срокам, и обещает, что его администрация не потерпит совершения незаконных действий в отношении христиан и позаботится о том, чтобы любые незаконные и ненадлежащие поведение, политика или практика, направленные против христиан, были выявлены и пресечены. С этой целью Трамп объявляет о создании при Министерстве юстиции Целевой группы по искоренению антихристианских предрассудков, функции председателя которой возложены на генерального прокурора. В состав Целевой группы должны войти государственный секретарь, министры, директор ФБР и другие высшие должностные лица США. Приведем только некоторые из ее функций. Группа уполномочивается: (1) проводить анализ деятельности всех органов власти и выявлять любую незаконную антихристианскую политику и практику государственных органов, противоречащие целям и политике настоящего приказа; (2) запрашивать информацию и идеи у широкого круга лиц и групп, включая американцев, пострадавших от антихристианского поведения, религиозных организаций и правительств штатов, местных органов власти, с тем чтобы обеспечить учет в своей работе широкого спектра идей

и опыта; (3) выявлять недостатки в существующих законах и судебной практике, которые способствовали незаконному антихристианскому поведению правительства или частных лиц, и рекомендовать руководителю соответствующего ведомства или президенту действия для устранения неспособности обеспечить соблюдение закона в отношении актов антихристианской враждебности, вандализма и насилия; и др. Результаты этой деятельности пока не известны, но эта декларация имеет значение и сама по себе.

Конечно, свобода может иметь не только либертарианское, но и телеологическое прочтение, а право, маркируя акты человеческого поведения как дозволенные и запрещенные, безусловно, имеет в своей основе определенную мораль, которую поддерживают государственные институты — по крайней мере, опосредованно, путем принуждения, осуществляемого в привлечении к юридической ответственности. А общее благо возможно не только как метафизическое понятие или риторическое прикрытие утилитарного интереса, но как реальность общего дела и исполнения долга, предписываемого достоинством человека. Однако сформировавшийся в рамках католического интегрализма конституционализм общего блага все-таки дает повод вспомнить описанный Достоевским проект Великого инквизитора. В проекте Вермеля мы находим чудо, тайну и авторитет — те «единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть» людей и обеспечить им обещанное Великим инквизитором «царство покоя и счастья» (Дзо. Т. 14: 234–235), но без свободы этического выбора: *авторитет* правителя, недоступная подвластным *тайна* общего блага, содержание которого он определяет, и *чудо* в виде мира, изобилия и процветания, с благодарностью принимаемое подвластными. Постлиберальный упрек либерализму в его союзе с государством, авторитарно навязывающим обществу ценности индивидуальной автономии, может быть адресован и постлиберальному проекту Вермеля, в котором, в отличие от коммунитаристской программы Милбанка — Пабста, именно на государственные институты возложена миссия продвижения общего блага. Такая востребованность государства в современных политических проектах делает глобалистские прогнозы о его упадке как минимум преждевременными (Кревельд, Кузнецов и Макеев, 2006). Вместе с тем обзор полемики вокруг концепции Вермеля приводит к заключению о глубоком расколе внутри американского юридического сообщества в понимании оснований, особенностей и путей развития конституционной традиции США.

СОКРАЩЕНИЯ

- Дзо *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / под ред. В. Г. Базанова, Г. М. Фридлендера, В. В. Виноградова. — М., Л. : Наука, 1972/1990.
Т. 10 : Бесы : роман / под ред. В. Г. Базанова, Т. П. Головановой. — 1974.
Т. 14 : Братья Карамазовы : роман в 4 ч. с эпилогом / под ред. Е. И. Кийко, Г. М. Фридлендер. — 1976.

ЛИТЕРАТУРА

- Белжселарский Е. А.* Истоки и смысл имманентистского дискурса в контексте радикальной ортодоксии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2017. — Т. 18, вып. 1. — С. 194–203.
- Белжселарский Е. А.* Дискурсивная борьба в пространстве постсекулярности : продолжение эпохи религиозных войн // Тетради по консерватизму. — 2019. — № 3. — С. 13–26.
- Бурдые П.* Дух государства; генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства / пер. с фр., под ред. Н. А. Шматко. — М., СПб. : Институт экспериментальной социологии, Алетея, 2007. — С. 220–254.
- Вдовина Г. В.* Джон Милбанк и «дело Суареса» // Историко-философский ежегодник. — 2023. — № 38. — С. 6–35.
- Грей Д.* Поминки по Просвещению : политика и культура на закате современности / под ред. Г. В. Каменская ; пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, Е. Л. Рудницкой, М. С. Фетисова. — М. : Праксис, 2003.
- Давыдов О. Б.* Via remoderna : метафизико-политический проект Джона Милбанка // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2015. — Т. 33, № 3. — С. 361–381.
- Давыдов О. Б.* Мир и война : христианская альтернатива метафизике насилия // Богословский вестник. — 2019. — Т. 35, № 4. — С. 87–101.
- Звеерде Э. ван дер.* Осмысливая «секулярность» / пер. с англ. А. Агаджаняна, А. Кырлежева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом / под ред. А. Агаджаняна, А. Кырлежева. — 2012. — Т. 30, № 3. — С. 69–113.
- Земанек Л.* Подъем авторитаризма на Западе и глобальный переход к полицентризму // Россия в глобальной политике. — 2023. — Т. 21, № 4. — С. 82–99.
- Ильин И. Ю.* Очерковление общества изнутри, а не извне : рецепция идей протоиерея Сергия Булгакова в двух современных проектах политической теологии // Вестник Свято-Филаретовского института. — 2023. — Вып. 48. — С. 51–74.
- Кельзен Г.* Бог и государство / пер. с нем. М. В. Антонова, А. А. Краевского // Очерки по философии права и морали / пер. с нем., с англ. М. В. Антонова, А. А. Краевского. — СПб. : Алеф-Пресс, 2024. — С. 78–103.

- Компендиум социального учения Церкви. — М. : Паолине, 2006.
- Кондуров В. Е. Политика и догматика конституционного права // Правоведение. — 2024. — Т. 68, № 4. — С. 516–535.
- Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства / пер. с англ., под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. — М. : ИРИСЭН, 2006.
- Ланчава А. И. Американский католический консерватизм : современные аспекты интерпретации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2022а. — Т. 23, вып. 1. — С. 199–211.
- Ланчава А. И. Интерпретация общего блага в «новом» интегрализме и ее политико-правовые последствия // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2022b. — Т. 23, вып. 4. — С. 295–307.
- Милбанк Д. Новое разделение : романтическая vs. классическая ортодоксия / пер. с англ. Е. Грозновой // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. — 2011а. — Т. 36, № 4. — С. 96–110.
- Милбанк Д. Материализм и трансцендентность / пер. с англ. Д. А. Узланера // Логос. — 2011b. — № 3. — С. 206–244.
- Милбанк Д. Социализм вне левого направления / пер. с англ. М. Ю. Ароновой, Ю. Б. Зимарской // Тетради по консерватизму. — 2019. — № 3. — С. 224–227.
- Милбанк Д. Теология и социальная теория : по ту сторону секулярного разума / пер. с англ. А. И. Кырлежева, Д. А. Узланера. — М. : Теоэстетика, 2022.
- Пабст А. Постлиберальная политика / пер. с англ. А. Талалаевской // Тетради по консерватизму. — 2021. — № 3. — С. 200–222.
- Папаниколау А. Мистическое как политическое. Демократия и не-радикальная ортодоксия / пер. с англ. А. Кырлежева. — Киев : Дух і літера, 2021.
- Тимошина Е. В. «Общее благо» классической правовой традиции : актуальный дискурс и судьба понятия в картинах мира (Античность и Средневековье) // Вопросы философии. — 2025а. — № 4. — С. 5–16.
- Тимошина Е. В. «Общее благо» классической правовой традиции : судьба понятия в картинах мира (Возрождение и раннее Новое время) и современные попытки его реабилитации // Вопросы философии. — 2025b. — № 5. — С. 58–69.
- Тримбл У. Радикальная ортодоксия : первая философия в «постхристианском мире» // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. — 2019. — № 1. — С. 160–185.
- Узланер Д. Расколдовывание дискурса : «Религиозное» и «светское» в языке Нового времени // Логос. — 2008. — № 4. — С. 140–159.
- Финнис Д. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамаки, А. В. Панихиной. — М. : ИРИСЭН, Мысль, 2012.
- Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–I. Вопросы 90–114 / пер. с лат. С. И. Еремеева. — Киев : Ника-Центр, 2010.
- Щипков В. А. Православие и «Радикальная ортодоксия» : понимание «посредничества» и перспективы взаимодействия // Тетради по консерватизму. — 2019. — № 3. — С. 171–183.

- Ahrens E., Wolters B. Postliberal : Ein Entwurf. — Schnellroda : Antaios, 2021.
- Alicea J. J. The Moral Authority of Original Meaning // Notre Dame Law Review. — 2022. — Vol. 98, no. 1. — P. 1–60.
- Barclay S. H. Strict Scrutiny, Religious Liberty, and the Common Good // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023. — Vol. 46. — P. 937–955.
- Barnett R. E. Common-Good Constitutionalism Reveals the Dangers of Any Non-originalist Approach to the Constitution / The Atlantic. — 2020. — URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/04/dangers-any-non-originalistapproach-constitution/609382> (visited on Apr. 20, 2025).
- Barnett R. E. Deep-State Constitutionalism // Claremont Review of Books. A Journal of Political Thought and Statesmanship. — 2022. — Vol. XXII, no. 2. — P. 33–40.
- Bastié E. La Guerre des idées : Enquête au coeur de l'intelligentsia française. — Paris : Robert Laffont, 2021.
- Baude W., Sachs S. E. The “Common-Good” Manifesto // Harvard Law Review. — 2023. — Vol. 136. — P. 861–906.
- Borg S. In Search of the Common Good : The Postliberal Project Left and Right // European Journal of Social Theory. — 2023. — Vol. XX. — P. 1–19.
- Casey C. “Common Good Constitutionalism” and the New Debate over Constitutional Interpretation in the United States // Public Law. — 2021. — No. 4. — P. 765–787.
- Casey C. The Irish Constitution and Common Good Constitutionalism // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023. — Vol. 46. — P. 1055–1090.
- Casey C., Vermeule A. Myths of Common-Good Constitutionalism // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2022. — Vol. 46. — P. 103–144.
- Continetti M. The Right. The Hundred Year War for American Conservatism. — New York : Basic Books, 2022.
- Crowe J. Natural Law and the Nature of Law. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019.
- Deconstructing Radical Orthodoxy. Postmodern Theology, Rhetoric and Truth / ed. by D. Hedley, W. J. Hankey. — Aldershot : Ashgate, 2005.
- Deneen P. Why Liberalism Failed. — New Haven, London : Yale University Press, 2018.
- Dred Scott v. Sandford, 60 U.S. 393 / Justia U.S. Supreme Court Center. — 1856. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/60/393/>.
- Duke G. The Distinctive Common Good // The Review of Politics. — 2016. — Vol. 78, no. 2. — P. 227–250.
- Duke G. The Common Good // The Cambridge Companion to Natural Law Jurisprudence / ed. by G. Duke, R. George. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — P. 369–396.
- Dyzenhaus D. Schmitt in the US / Verfassungsblog. — 2020. — URL: <https://verfassungsblog.de/schmitt-in-the-usa> (besucht am 20. Apr. 2025).
- Epps G. Common-Good Constitutionalism : An Idea as Dangerous as They Come / The Atlantic. — 2020. — URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020>

- /04/common-goodconstitutionalism-dangerous-idea/609385/ (visited on Apr. 20, 2025).
- Eradicating Anti-Christian Bias / The White House. — 2025. — URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/eradicating-anti-christian-bias/>.
- Foran M. Equal Dignity and the Common Good // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023a. — Vol. 46. — P. 1009–1027.
- Foran M. Rights, Common Good, and the Separation of Powers // Modern Law Review. — 2023b. — Vol. 86, no. 3. — P. 599–628.
- Gray J. Post-Liberalism : Studies in Political Thought. — New York, London : Routledge, 1993.
- Gray J. The New Leviathans : Thoughts After Liberalism. — London : Allen Lane, 2023.
- Hammer J. Common Good Originalism : Our Tradition and Our Path Forward // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2021. — Vol. 44, no. 3. — P. 917–960.
- Hammer J. Common Good Constitutionalism and Common Good Originalism : A Convergence? // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023. — Vol. 46. — P. 1197–1216.
- Het radicale middenoverzee : Verkenningen van het postliberalisme / red. door P. Overeem, H.-M. ten Napel. — Utrecht : Eburon, 2021.
- Ho J. C. Originalism, Common Good Constitutionalism, and Our Common Adversary : Fair-Weather Originalism // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023. — Vol. 46. — P. 957–966.
- Keenan B. Baptizing the State — Vermeule’s Common Good / Critical Legal Thinking. — 2022. — URL: <https://criticallegalthinking.com/2022/05/23/baptizing-the-state-vermeules-common-good/> (visited on Apr. 21, 2025).
- Kelly M. D. Challenging Common Good Constitutionalism // Jurisprudence. — 2024. — Vol. 15, no. 3. — P. 418–440.
- Krein J., Pappin G. Common Good Capitalism : An Interview with Marco Rubio // American Affairs. — 2020. — Vol. 4, no. 1. — P. 3–14.
- Leiter B. Politics by Other Means : The Jurisprudence of “Common Good Constitutionalism” // University of Chicago Law Review. — 2023. — Vol. 90, no. 6. — P. 1685–1717.
- Maritain J. The Person and the Common Good / trans. from the French by J. Fitzgerald. — Notre Dame (IN) : University of Norte Dame Press, 1966.
- Matey P. B. “Indispensably Obligatory” : Natural Law and the American Legal Tradition // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023. — Vol. 46. — P. 967–980.
- McClain L. C., Fleming J. E. Toward a Liberal Common Good Constitutionalism for Polarized Times // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023. — Vol. 46. — P. 1123–1148.
- McGinnis J. O. Originalism for the Common Good / Law & Liberty. — 2022. — URL: <https://lawliberty.org/bookreview/originalism-for-the-common-good/> (visited on Apr. 21, 2025).

- Milbank J.* Theology and Social Theory. Beyond Secular Reason. — 2nd ed. — Oxford : Blackwell, 2006.
- Milbank J.* Sophiology and Theurgy : The New Theological Horizon // Encounter Between Eastern Orthodoxy and Radical Orthodoxy : Transfiguring the World Through the Word / ed. by A. Pabst, C. Schneider. — Farnham (UK) : Ashgate, 2008. — P. 45–90.
- Milbank J.* Against Human Rights : Liberty in the Western Tradition // Oxford Journal of Law and Religion. — 2012. — Vol. 1, no. 1. — P. 203–234.
- Milbank J.* On “Left Integralism” : Catholic Social Teaching as a Political Theology. Lecture given within the JP2 Lectures series on March 17, 2022. Angelicum, St. John Paul II Institute of Culture / Angelicum. — 2022. — URL: https://angelicum.it/wp-content/uploads/2022/02/John-Milbank_JP2-Lecture_Left-Integralism.pdf (visited on Apr. 19, 2025).
- Milbank J., Pabst A.* The Politics of Virtue : Post-liberalism and the Human Future. — London : Rowman & Littlefield Int., 2016.
- Miller D.* Common Good Gun Rights // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023. — Vol. 46. — P. 1029–1053.
- Pabst A.* Virtue, Post-liberalism and the Common Good : The New Centre-Ground of Western Politics // Тетради по консерватизму. — 2017. — № 1. — С. 84–94.
- Pabst A.* Postliberal Politics : The Coming Era of Renewal. — Cambridge : Polity Press, 2021.
- Pabst A.* Renewing the West’s Unique Universalism // Telos. — 2022. — No. 201. — P. 165–188.
- Pabst A.* Three Faces of Postliberalism // The Oxford Handbook of Illiberalism / ed. by M. Laruelle. — New York : Oxford University Press, 2024. — P. 887–912.
- Planned Parenthood of Southeastern Pa. v. Casey*, 505 U.S. 833 / Justia U.S. Supreme Court Center. — 1992. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/833/>.
- Pojanowski J. A., Walsh K. C.* Recovering Classical Legal Constitutionalism : A Critique of Professor Vermeule’s New Theory // Notre Dame Law Review. — 2022. — Vol. 98, no. 1. — P. 403–463.
- Posner E., Vermeule A.* Terror in the Balance : Security, Liberty, and the Courts. — Oxford : Oxford University Press, 2007.
- Posner E., Vermeule A.* The Executive Unbound : After the Madisonian Republic. — Oxford : Oxford University Press, 2010.
- Pryor W. H. J.* Against Living Common Goodism // Federalist Society Review. — 2022. — Vol. 23. — P. 24–40.
- Rodriguez-Blanco V.* When Moral Principles Meet the Normative or Deliberative Stance of Judges : The Layers of Common Good Constitutionalism // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023. — Vol. 46. — P. 983–1008.
- Sachs S. E.* According to Law // Harvard Journal of Law & Public Policy. — 2023. — Vol. 46. — P. 1271–1297.

- Schragger R., Schwartzman M.* What Common Good? / *The American Prospect*. — 2022. — URL: <https://prospect.org/culture/books/what-common-good-vermeule-review/> (visited on Apr. 11, 2025).
- Sérafín S., Sun K., Ménard X. F.* Notwithstanding Judicial Specification : The Notwithstanding Clause within a Juridical Order // *Supreme Court Law Review*. — 2023. — Vol. 110. — P. 135–168.
- Smith M. L.* Flourishing, Virtue, and Common Good Constitutionalism // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. — 2023. — Vol. 46. — P. 1218–1241.
- Smith S. D.* The Constitution, The Leviathan, and the Common Good / *Constitutional Commentary*. — 2022. — URL: <https://constitutionalcommentary.lib.umn.edu/article/the-constitution-the-leviathan-and-the-common-good/> (visited on Apr. 10, 2025).
- Solum L. B.* Flourishing, Virtue, and Common Good Constitutionalism // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. — 2023. — Vol. 46. — P. 1149–1175.
- Strang L. J.* The Common Good as a Reason to Follow the Original Meaning of the United States Constitution // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. — 2023. — Vol. 46. — P. 1243–1070.
- Sulyok M.* The “Common Good” in Hungarian Judicial Interpretation : Footnotes for American Debates on Common Good Constitutionalism // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. — 2023. — Vol. 46. — P. 1091–1121.
- Sunstein C. R.* Experiments of Living Constitutionalism // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. — 2023. — Vol. 46. — P. 1177–1194.
- Sunstein C. R., Vermeule A.* *Law & Leviathan : Redeeming the Administrative State*. — Massachusetts : The Belknap Press of Harvard University Press, 2020.
- Tamanaha B. Z.* Beware Illiberal Natural Law / *Washington University in St. Louis Legal Studies Research Paper*. — 2022. — URL: <https://ssrn.com/abstract=4109402> (visited on Apr. 12, 2025).
- Vermeule A.* *Judging Under Uncertainty : An Institutional Theory of Legal Interpretation*. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2006.
- Vermeule A.* *The System of the Constitution*. — New York : Oxford University Press, 2011.
- Vermeule A.* *The Constitution of Risk*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
- Vermeule A.* A Christian Strategy / *First Things*. — 2017. — URL: <https://firstthings.com/a-christian-strategy/> (visited on Apr. 12, 2025).
- Vermeule A.* Integration from Within / *American Affairs*. — 2018. — URL: <http://americanaffairsjournal.org/2018/02/integration-from-within/> (visited on Apr. 12, 2025).
- Vermeule A.* All Human Conflict is Ultimately Theological / *Church Life Journal*. — 2019a. — URL: <https://churchlifejournal.nd.edu/articles/all-human-conflict-is-ultimately-theological/> (visited on Apr. 22, 2025).

- Vermeule A. Liberalism and the Invisible Hand / American Affairs. — 2019b. — URL: <https://americanaffairsjournal.org/2019/02/liberalism-and-the-invisible-hand/> (visited on Apr. 22, 2025).
- Vermeule A. Beyond Originalism / The Atlantic. — 2020. — URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/common-good-constitutionalism/609037/> (visited on May 25, 2025).
- Vermeule A. Common Good Constitutionalism : Recovering the Classical Legal Tradition. — Polity Press, 2022.
- Zamagni S. Catholic Social Teaching, Civil Economy, and the Spirit of Capitalism // The True Wealth of Nations : Catholic Social Thought and Economic Life / ed. by D. K. Finn. — Oxford, UK : Oxford University Press, 2010. — P. 63–93.

Timoshina, E. V. 2025. "Konstitutsionalizm obshchego blaga [Common Good Constitutionism]: kontseptsiya i polemika [Conception and Controversy]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (3), 200–251.

ELENA TIMOSHINA
DOCTOR OF LETTERS IN LAW
PROFESSOR

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY (SAINT PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-2948-4825

COMMON GOOD CONSTITUTIONALISM CONCEPTION AND CONTROVERSY

Submitted: May 15, 2025. Reviewed: July 01, 2025. Accepted: July 23, 2025.

Abstract: The article examines the modern project of rehabilitation of the common good, a concept of the classical natural law tradition, proposed by Harvard Law School professor Adrian Vermeule in the postliberal concept of "common good constitutionalism", as well as the broad polemic around this project. The first section provides a sketch of the main provisions of the postliberal program, the main message of which is the revival of the feelings and practices of social solidarity destroyed by liberalism. The subject of the second section is the concept of common good constitutionalism itself. We show the inconsistency of Vermeule's understanding of the common good both in itself and in relation to individual rights, which is connected with the use of the Thomist notion of the common good without taking into account the transcendent perspective of human purposes implied by this notion. Since Vermeule does not present any vision of human nature, without clarification of which the concept of the common good cannot be clarified, the third section presents M. Foran's development of his concept, focusing on the natural-law justification of dignity in relation to the common good. The last section is devoted to a critical discussion of Vermeule's conception. Critics claim common good constitutionalism rejects the liberal ideal of moral neutrality and the intervention of religious morality in law with the support of state institutions. However, it would be more accurate to diagnose this concept as an attempt to justify the possibility of replacing the morality of a secular society, promoted through the same political institutions, with religious morality. It

has been noted that the common good constitutionalism formed within Catholic integralism resembles the project of the Grand Inquisitor described by Dostoevsky, in which the “kingdom of peace and happiness” was built on miracles, mystery, and authority. In Vermeule’s project we find the authority of the ruler, the secret of the common good inaccessible to the subjects, and the miracle of abundance and prosperity gratefully accepted by the subjects. A review of the polemics surrounding Vermeule’s conception leads to the conclusion that there is a deep division within the American legal community in understanding the foundations, features, and ways of development of the U.S. constitutional tradition.

Keywords: Common Good, Constitutionalism, Postliberalism, Classical Legal Tradition, Natural Law, Human Rights, Dignity, Legal Positivism, Political Theology.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-200-251.

REFERENCES

- Ahrens, E., and B. Wolters. 2021. *Postliberal: Ein Entwurf* [in German]. Schnellroda: Antaios.
- Alicea, J. J. 2022. “The Moral Authority of Original Meaning.” *Notre Dame Law Review* 98 (1): 1–60.
- Barclay, St. H. 2023. “Strict Scrutiny, Religious Liberty, and the Common Good.” *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:937–955.
- Barnett, R. E. 2020. “Common-Good Constitutionalism Reveals the Dangers of Any Non-originalist Approach to the Constitution.” *The Atlantic*. Accessed Apr. 20, 2025. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/04/dangers-any-non-originalistapproach-constitution/609382>.
- . 2022. “Deep-State Constitutionalism.” *Claremont Review of Books. A Journal of Political Thought and Statesmanship* XXII (2): 33–40.
- Bastié, E. 2021. *La Guerre des idées: Enquête au cœur de l'intelligentsia française* [in French]. Paris: Robert Laffont.
- Baude, W., and St. E. Sachs. 2023. “The ‘Common-Good’ Manifesto.” *Harvard Law Review* 136:861–906.
- Belzhelarskiy, Ye. A. 2017. “Istoki i smysl immanentist-skogo diskursa v kontekste radikal'noy ortodoksii [Sources and Sense of the Immanentistic Discourse in the Context of Radical Orthodoxy of John Milbank]” [in Russian]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Review of Russian Christian Academy for Humanities]* 18 (1): 194–203.
- . 2019. “Diskursivnaya bor'ba v prostranstve post-sekulyarnosti [Discursive Battle in the Field of Post-Secularity]: prodolzheniye epokhi religioznykh voyn [Continuation of Religious Wars Era]” [in Russian]. *Tetrad'i po konservatizmu [Essays on Conservatism]*, no. 3, 13–26.
- Borg, St. 2023. “In Search of the Common Good: The Postliberal Project Left and Right.” *European Journal of Social Theory* xx:1–19.
- Bourdieu, P. 2007. “Dukh gosudarstva; genezis i struktura byurokraticheskogo polya [Esprits d'Etat. Genèse et structure du champ bureaucratique]” [in Russian]. In *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociologie de l'espace social]*, ed. and trans. from the French by N. A. Shmatko, 220–254. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Institut eksperimental'noy sotsiologii, Aleteyya.
- Casey, C. 2021. “‘Common Good Constitutionalism’ and the New Debate over Constitutional Interpretation in the United States.” *Public Law*, no. 4, 765–787.
- . 2023. “The Irish Constitution and Common Good Constitutionalism.” *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1055–1090.

- Casey, C., and A. Vermeule. 2022. "Myths of Common-Good Constitutionalism." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:103–144.
- Contineti, M. 2022. *The Right. The Hundred Year War for American Conservatism*. New York: Basic Books.
- Crevelde, M. van. 2006. *Rastsvet i upadok gosudarstva [The Rise and Decline of the State]* [in Russian]. Ed. and trans. from the English by Yu. Kuznetsov and A. Makeyev. Moskva [Moscow]: IRIS-EN.
- Crowe, J. 2019. *Natural Law and the Nature of Law*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Davydov, O. B. 2015. "Via premoderna [Via premoderna]: metafiziko-politicheskiy proyekt Dzhona Milbanka [Metaphysical-Political Project of John Milbank]" [in Russian]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]* 33 (3): 361–381.
- . 2019. "Mir i vojna [Peace and War]: khristianskaya al'ternativa metafizike nasiliya [A Christian Alternative to the Metaphysics of Violence]" [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Herald]* 35 (4): 87–101.
- Deneen, P. 2018. *Why Liberalism Failed*. New Haven and London: Yale University Press.
- Dostoyevskiy, F. M. 1972/1990. *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]* [in Russian]. Ed. by V. G. Bazanov, G. M. Fridlender, and V. V. Vinogradov. 30 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Nauka.
- "Dred Scott v. Sandford, 60 U.S. 393." 1856. Justia U.S. Supreme Court Center. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/60/393/>.
- Duke, G. 2016. "The Distinctive Common Good." *The Review of Politics* 78 (2): 227–250.
- . 2017. "The Common Good." In *The Cambridge Companion to Natural Law Jurisprudence*, ed. by G. Duke and R. George, 369–396. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dyzenhaus, D. 2020. "Schmitt in the US." *Verfassungsblog*. Accessed Apr. 20, 2025. <https://verfassungsblog.de/schmitt-in-the-usa>.
- Epps, G. 2020. "Common-Good Constitutionalism: An Idea as Dangerous as They Come." *The Atlantic*. Accessed Apr. 20, 2025. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/04/common-goodconstitutionalism-dangerous-idea/609385/>.
- "Eradicating Anti-Christian Bias." 2025. The White House. <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/eradicating-anti-christian-bias/>.
- Finnis, J. 2012. *Yestestvennoye pravo i yestestvennyye prava [Natural Law and Natural Rights]* [in Russian]. Trans. from the English by V. P. Gaydamaka and A. V. Panikhina. Moskva [Moscow]: IRIS-EN / Mysl'.
- Foran, M. 2023a. "Equal Dignity and the Common Good." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1009–1027.
- . 2023b. "Rights, Common Good, and the Separation of Powers." *Modern Law Review* 86 (3): 599–628.
- Gray, J. 1993. *Post-Liberalism: Studies in Political Thought*. New York and London: Routledge.
- . 2003. *Pominki po Prosveshcheniyu [Enlightenment's Wake]: politika i kul'tura na zakate sovremennosti [Politics and Culture at the Close of the Modern Age]* [in Russian]. Ed. by G. V. Kamenskaya. Trans. from the English by L. Ye. Pereyaslavtseva, Ye. L. Rudnitskaya, and M. S. Fetisov. Moskva [Moscow]: Praksis.
- . 2023. *The New Leviathans: Thoughts After Liberalism*. London: Allen Lane.
- Hammer, J. 2021. "Common Good Originalism: Our Tradition and Our Path Forward." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 44 (3): 917–960.

- . 2023. "Common Good Constitutionalism and Common Good Originalism: A Convergence?" *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1197–1216.
- Hedley, D., and W. J. Hankey, eds. 2005. *Deconstructing Radical Orthodoxy. Postmodern Theology, Rhetoric and Truth*. Aldershot: Ashgate.
- Ho, J. C. 2023. "Originalism, Common Good Constitutionalism, and Our Common Adversary: Fair-Weather Originalism." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:957–966.
- Il'in, I. Yu. 2023. "Otkerkovleniye obshchestva iznutri, a ne izvne [Churching of Society from Within and Not from Without]: retseptsiya idey protoiyereya Sergiya Bulgakova v dvukh sovremennykh proyektakh politicheskoy teologii [Reception of Sergius Bulgakov's Ideas in Contemporary Political Theology]" [in Russian]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta [The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute]* (48): 51–74.
- Keenan, B. 2022. "Baptizing the State—Vermeule's Common Good." *Critical Legal Thinking*. Accessed Apr. 21, 2025. <https://criticallegalthinking.com/2022/05/23/baptizing-the-state-vermeules-common-good/>.
- Kelly, M. D. 2024. "Challenging Common Good Constitutionalism." *Jurisprudence* 15 (3): 418–440.
- Kelsen, H. 2024. "Bog i gosudarstvo [Gott und Staat]" [in Russian]. In *Ocherki po filosofii prava i morali [Essays in Legal and Moral Philosophy]*, trans. from the German by M. V. Antonov and A. A. Krayevskiy, 78–103. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Alef-Press.
- Kompendium sotsial'nogo ucheniya Tserkvi [Compendium of the Social Doctrine of the Church]* [in Russian]. 2006. Moskva [Moscow]: Paoline.
- Kondurov, V. Ye. 2024. "Politika i dogmatika konstitutsionnogo prava [The Politics and Dogmatics of Constitutional Law]" [in Russian]. *Pravovedeniye [Jurisprudence]* 68 (4): 516–535.
- Krein, J., and G. Pappin. 2020. "Common Good Capitalism: An Interview with Marco Rubio." *American Affairs* 4 (1): 3–14.
- Lanchava, A. I. 2022a. "Amerikanskiy katolicheskiy konservatizm [American Catholic Conservatism]: sovremennyye aspekty interpretatsii [Modern Aspects of Interpretation]" [in Russian]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Review of Russian Christian Academy for Humanities]* 23 (1): 199–211.
- . 2022b. "Interpretatsiya obshchego blaga v 'novom' integralizme i yeye politiko-pravovyye posledstviya [Interpretation of the Common Good in the 'New' Integralism and Its Politico-Legal Consequences]" [in Russian]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Review of Russian Christian Academy for Humanities]* 23 (4): 295–307.
- Leiter, B. 2023. "Politics by Other Means: The Jurisprudence of 'Common Good Constitutionalism'." *University of Chicago Law Review* 90 (6): 1685–1717.
- Maritain, J. 1966. *The Person and the Common Good [La personne et le bien commun]*. Trans. from the French by J. Fitzgerald. Notre Dame (IN): University of Notre Dame Press.
- Matery, P. B. 2023. "'Indispensably Obligatory': Natural Law and the American Legal Tradition." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:967–980.
- McClain, L. C., and J. E. Fleming. 2023. "Toward a Liberal Common Good Constitutionalism for Polarized Times." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1123–1148.
- McGinnis, J. O. 2022. "Originalism for the Common Good." *Law & Liberty*. Accessed Apr. 21, 2025. <https://lawliberty.org/bookreview/originalism-for-the-common-good/>.
- Milbank, J. 2006. *Theology and Social Theory. Beyond Secular Reason*. 2nd ed. Oxford: Blackwell.
- . 2008. "Sophiology and Theurgy: The New Theological Horizon." In *Encounter Between Eastern Orthodoxy and Radical Orthodoxy: Transfiguring the World Through the Word*, ed. by A. Pabst and C. Schneider, 45–90. Farnham (UK): Ashgate.

- . 2011a. "Materializm i transtsendentnost' [Materialism and Transcendence]" [in Russian], trans. from the English by D. A. Uzlaner. *Logos*, no. 3, 206–244.
- . 2011b. "Novoye razdeleniye [A New Divide]: romanticheskaya vs. klassicheskaya ortodoksiya [A Romantic Versus a Classical Orthodoxy]" [in Russian], trans. from the English by Ye. Groznova. *Vestnik PSTGU. Seriya 1. Bogosloviye. Filosofiya [Saint Tikhon's University Review. Series 1. Theology. Philosophy]* 36 (4): 96–110.
- . 2012. "Against Human Rights: Liberty in the Western Tradition." *Oxford Journal of Law and Religion* 1 (1): 203–234.
- . 2019. "Sotsializm vne levogo napravleniya [Socialism Beyond the Left]" [in Russian], trans. from the English by M. Yu. Aronova and Yu. B. Zimarskaya. *Tetrad'i po konservatizmu [Essays on Conservatism]*, no. 3, 224–227.
- . 2022a. "On 'Left Integralism': Catholic Social Teaching as a Political Theology. Lecture given within the JP2 Lectures series on March 17, 2022. Angelicum, St. John Paul II Institute of Culture." Angelicum. Accessed Apr. 19, 2025. https://angelicum.it/wp-content/uploads/2022/02/John-Milbank_JP2-Lecture_Left-Integralism.pdf.
- . 2022b. *Teologiya i sotsial'naya teoriya [Theology and Social Theory]: po tu storonu sekulyarnogo razuma [Beyond Secular Reason]* [in Russian]. Trans. from the English by A. I. Kyrlezhev and D. A. Uzlaner. Moskva [Moscow]: Teoestetika.
- Milbank, J., and A. Pabst. 2016. *The Politics of Virtue: Post-liberalism and the Human Future*. London: Rowman & Littlefield Int.
- Miller, D. 2023. "Common Good Gun Rights." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1029–1053.
- Overeem, P., and H.-M. ten Napel, eds. 2021. *Het radicale middenoverzee: Verkenningen van het postliberalisme* [in Dutch]. Utrecht: Eburon.
- Pabst, A. 2017. "Virtue, Post-liberalism and the Common Good: The New Centre-Ground of Western Politics." *Tetrad'i po konservatizmu [Essays on Conservatism]*, no. 1, 84–94.
- . 2021a. *Postliberal Politics: The Coming Era of Renewal*. Cambridge: Polity Press.
- . 2021b. "Postliberal'naya politika [Postliberal Politics]" [in Russian], trans. from the English by A. Talalayevskaya. *Tetrad'i po konservatizmu [Essays on Conservatism]*, no. 3, 200–222.
- . 2022. "Renewing the West's Unique Universalism." *Telos*, no. 201, 165–188.
- . 2024. "Three Faces of Postliberalism." In *The Oxford Handbook of Illiberalism*, ed. by M. Laruelle, 887–912. New York: Oxford University Press.
- Papanikolaou, A. 2021. *Misticheskoye kak politicheskoye. Demokratiya i ne-radikal'naya ortodoksiya [The Mystical as Political. Democracy and Non-Radical Orthodoxy]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Kyrlezhev. Kiyev [Kiev]: Dukh i litera.
- "Planned Parenthood of Southeastern Pa. v. Casey, 505 U.S. 833." 1992. Justia U.S. Supreme Court Center. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/833/>.
- Pojanowski, J. A., and K. C. Walsh. 2022. "Recovering Classical Legal Constitutionalism: A Critique of Professor Vermeule's New Theory." *Notre Dame Law Review* 98 (1): 403–463.
- Posner, E., and A. Vermeule. 2007. *Terror in the Balance: Security, Liberty, and the Courts*. Oxford: Oxford University Press.
- . 2010. *The Executive Unbound: After the Madisonian Republic*. Oxford: Oxford University Press.
- Pryor, W. H. Jr. 2022. "Against Living Common Goodism." *Federalist Society Review* 23:24–40.
- Rodriguez-Blanco, V. 2023. "When Moral Principles Meet the Normative or Deliberative Stance of Judges: The Layers of Common Good Constitutionalism." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:983–1008.
- Sachs, St. E. 2023. "According to Law." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1271–1297.

- Schrager, R., and M. Schwartzman. 2022. "What Common Good?" *The American Prospect*. Accessed Apr. 11, 2025. <https://prospect.org/culture/books/what-common-good-vermeule-review/>.
- Sérafín, St., K. Sun, and X. F. Ménard. 2023. "Notwithstanding Judicial Specification: The Notwithstanding Clause within a Juridical Order." *Supreme Court Law Review* 110:135–168.
- Shchipkov, V. A. 2019. "Pravoslaviye i 'Radikal'naya ortodoksiya' [Orthodoxy and 'Radical Orthodoxy']: ponimaniye 'posrednichestva' i perspektivy vzaimodeystviya [Understanding of 'Mediation' and Prospects of Collaboration]" [in Russian]. *Tetrad'i po konservativizmu [Essays on Conservatism]*, no. 3, 171–183.
- Smith, M. L. 2023. "Flourishing, Virtue, and Common Good Constitutionalism." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1218–1241.
- Smith, St. D. 2022. "The Constitution, The Leviathan, and the Common Good." *Constitutional Commentary*. Accessed Apr. 10, 2025. <https://constitutionalcommentary.lib.umn.edu/article/the-constitution-the-leviathan-and-the-common-good/>.
- Solum, L. B. 2023. "Flourishing, Virtue, and Common Good Constitutionalism." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1149–1175.
- Strang, L. J. 2023. "The Common Good as a Reason to Follow the Original Meaning of the United States Constitution." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1243–1070.
- Sulyok, M. 2023. "The 'Common Good' in Hungarian Judicial Interpretation: Footnotes for American Debates on Common Good Constitutionalism." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1091–1121.
- Sunstein, C. R. 2023. "Experiments of Living Constitutionalism." *Harvard Journal of Law & Public Policy* 46:1177–1194.
- Sunstein, C. R., and A. Vermeule. 2020. *Law & Leviathan: Redeeming the Administrative State*. Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Tamanaha, B. Z. 2022. "Beware Illiberal Natural Law." Washington University in St. Louis Legal Studies Research Paper. Accessed Apr. 12, 2025. <https://ssrn.com/abstract=4109402>.
- Thomas Aquinas. 2010. *Summa theologiae. Chast' II–I. Voprosy 90–114 [Summa Theologica]* [in Russian]. Trans. from the Latin by S. I. Yermeyev. Kiev [Kiev]: Nika-Tsentr.
- Timoshina, Ye. V. 2025a. "'Obshcheye blago' klassicheskoy pravovoy traditsii [The 'Common Good' of the Classical Legal Tradition]: aktual'nyy diskurs i sud'ba ponyatiya v kartinakh mira (Antichnost' i Srednevekov'ye) [Current Discourse and the Fate of the Concept in Worldviews (Antiquity and the Middle Ages)]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 4, 5–16.
- . 2025b. "'Obshcheye blago' klassicheskoy pravovoy traditsii [The 'Common Good' of the Classical Legal Tradition]: sud'ba ponyatiya v kartinakh mira (Vozrozhdeniye i ranneye Novoye vremya) i sovremennyye popytki yego reabilitatsii [The Fate of the Concept (the Renaissance and Early Modern Times) and Modern Attempts at His Rehabilitation]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 5, 58–69.
- Trimbl, U. 2019. "Radikal'naya ortodoksiya [Radical Orthodoxy]: pervaya filosofiya v 'post-khristianskom mire' [The First Philosophy in the 'Post-Christian World']" [in Russian]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy]*, no. 1, 160–185.
- Uzlaner, D. 2008. "Raskoldovyvaniye diskursa [The Disenchantment of Discourse]: 'Religioznoye' i 'svet-skoye' v yazyke Novogo vremeni ['Religious' and 'Secular' in the Discourse of the Modern Age]" [in Russian]. *Logos*, no. 4, 140–159.
- Vdovina, G. V. 2023. "Dzhon Milbank i 'delo Suaresa' [John Milbank and the 'Suárez Affair']" [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik [History of Philosophy Yearbook]*, no. 38, 6–35.

- Vermeule, A. 2006. *Judging Under Uncertainty: An Institutional Theory of Legal Interpretation*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 2011. *The System of the Constitution*. New York: Oxford University Press.
- . 2014. *The Constitution of Risk*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 2017. "A Christian Strategy." *First Things*. Accessed Apr. 12, 2025. <https://firstthings.com/a-christian-strategy/>.
- . 2018. "Integration from Within." *American Affairs*. Accessed Apr. 12, 2025. <https://americanaffairsjournal.org/2018/02/integration-from-within/>.
- . 2019a. "All Human Conflict is Ultimately Theological." *Church Life Journal*. Accessed Apr. 22, 2025. <https://churchlifejournal.nd.edu/articles/all-human-conflict-is-ultimately-theological/>.
- . 2019b. "Liberalism and the Invisible Hand." *American Affairs*. Accessed Apr. 22, 2025. <https://americanaffairsjournal.org/2019/02/liberalism-and-the-invisible-hand/>.
- . 2020. "Beyond Originalism." *The Atlantic*. Accessed May 25, 2025. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/common-good-constitutionalism/609037/>.
- . 2022. *Common Good Constitutionalism: Recovering the Classical Legal Tradition*. Polity Press.
- Zamagni, St. 2010. "Catholic Social Teaching, Civil Economy, and the Spirit of Capitalism." In *The True Wealth of Nations: Catholic Social Thought and Economic Life*, ed. by D.K. Finn, 63–93. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Zemanek, L. 2023. "Pod'yem avtoritarizma na Zapade i global'nyy perekhod k politsentrizmu [The Rise of Liberal Authoritarianism and Global Transition to Polycentrism]" [in Russian]. *Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs]* 21 (4): 82–99.
- Zweerde, E. van der. 2012. "Osmyslivaya 'sekulyarnost'" [Understanding the Secular]" [in Russian], ed. and trans. from the English by A. Agadzhanyan and A. Kyrlezhev. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]* 30 (3): 69–113.